РЕВОЛЮЦІОННОЕ МІРОСОЗЕРЦАНІЕ.

Книгоиздательство „ЛОГОСЪ."

Алексѣй Боровой.

Революціонное міросозерцаніе.

Москва.

1907.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д Лисснера

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій очеркъ представляетъ собой почти дословное воспроизведеніе публичной лекціи «Нравственность и цѣлесообразность въ политикѣ», прочитанной мной въ Москвѣ, въ Историческомъ музеѣ 6-го декабря и затѣмъ дважды повторенной 10-го и 15-го декабря.

Я, разумѣется, не претендую въ этомъ небольшомъ и бѣгломъ очеркѣ дать всестороннее освѣщеніе одной изъ сложнѣйшихъ проблемъ соціальной философіи; я набросалъ лишь отдѣльные штрихи вопроса, который волнуетъ и занимаетъ меня сейчасъ.

Надлежащая его разработка потребовала бы цѣлаго ряда подготовительныхъ этюдовъ, посвященныхъ ученіямъ о свободѣ волѣ и необходимости, о роли личности въ исторіи, доктринѣ

историческаго матеріализма, Дитцгеновскому «пролетарскому монизму» и т. д. и т. д.

Вторая половина моей лекціи — критика либеральныхъ воззрѣній на значеніе Московской «Декабрьской недѣли 1905 г. въ общемъ ходѣ Русской революціи — должна служить лишь иллюстраціей къ нѣкоторымъ изъ теоретическихъ положеній, высказанныхъ въ первой половинѣ. Я намѣренно остановился на этой иллюстраціи: мнѣ приходилось читать мои лекціи въ тѣ дни, когда вся революціонная Россія справляла годовщину крупнѣйшаго и славнѣйшаго эпизода нашей Великой революціи.

Нѣсколько словъ pro domo sua.

Весной 1906 г. появился остроумный и злой памфлетъ Л. Тахоцкаго «Господинъ Петръ Струве въ политикѣ». Многое изъ того, о чемъ я говорю въ моей лекціи (второй ея половинѣ) можетъ показаться весьма сходнымъ съ матеріаломъ, уже использованнымъ въ памфлетѣ. Мнѣ лично очень пріятно это совпаденіе, такъ какъ во многомъ я присоединяюсь вполнѣ къ замѣчаніямъ г. Тахоцкаго; мнѣ хотѣлось бы только отмѣтить, что моя оцѣнка современнаго русскаго либерализма съ его

наиболѣе виднымъ теоретическимъ вождемъ во главѣ, сложилась совершенно самостоятельно и независимо отъ блестящихъ характеристикъ г. Тахоцкаго. Еще въ декабрѣ 1905 г., непосредственно сейчасъ же за революціонными днями въ Москвѣ, я посылалъ теперешнюю вторую половину лекціи въ редакцію «Полярной Звѣзды»; оттуда она была мнѣ возвращена обратно.

Многіе изъ слушателей этой лекціи упрекали меня въ томъ, что я противорѣчу своимъ же собственнымъ взглядамъ, высказаннымъ въ прошломъ году въ брошюрѣ «Общественные идеалы современнаго человѣчества».

Я принимаю этотъ упрекъ, но я не боюсь его. Жить, значитъ — искать; исканія должны кончиться только смертью. Предъ каждымъ изъ насъ встаютъ величайшія загадки бытія и нашъ долгъ — стремиться разгадать ихъ, познать истину. Въ этомъ вѣчномъ безпокойствѣ духа, въ этомъ неутомимомъ исканіи — лучшая сторона человѣческой природы! Непрестанно и неудержно стремится человѣкъ со ступени на ступень по безконечной лѣстницѣ познанія! Ему некогда оглядываться назадъ, его неудержимо влечетъ свѣтъ впереди.

Онъ оставляетъ старыя мысли, старую вѣру, если въ душѣ его кипитъ глубокая жажда новаго, неизвѣданнаго. Пусть онъ впадетъ въ ошибки— оправданіемъ ему послужатъ искренность стремленій и вѣра въ свои идеалы!

А. Б.

Революціонное міросозерцаніе.

...Ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst.

Goethe.

Eigener und Schöpfer Meines Rechts erkenne Ich keine andere Rechtsquelle als Mich, weder Gott, noch den Staat, noch die Natur, noch auch den Menschen selbst mit seinen „ewigen Menschenrechten", weder göttliches noch menschliches Recht.

Max Stirner.

Нѣтъ болѣе Христа! Пусть каждый изъ насъ будетъ самъ своимъ Христомъ, пусть каждый соединится съ Богомъ, какъ захочетъ и какъ сможетъ или даже пусть отрицаетъ Бога!

М. Гюйо.

Моральная жизнь, самая глубокая и раціональная, есть не только автономія, но, въ извѣстномъ смыслѣ,— который необходимо умѣть понимать — аномія!

А. Фуллье.

I.

Жизнь и творчество сознающей себя личности опредѣляются нравственнымъ закономъ, — не требованіями

морали, о которыхъ говорятъ политическія партіи, классы, государство, общество, а велѣніями того внутренняго божества, безъ котораго нѣтъ человѣческой природы, и которое возвышаетъ ее надъ всѣмъ остальнымъ органическимъ и неорганическимъ міромъ.

Эти велѣнія, этотъ единственный нравственный законъ заключается въ установленіи полной гармоніи между властными императивами своего „я“ и внѣшними поступками, независимо отъ содержанія опредѣляющей ихъ идеи[1]).

---

[1]) „Несмотря на большое разнообразіе этическихъ системъ,—пишетъ Геффдингъ,—и, несмотря на трудность, связанную съ переходомъ отъ одной системы къ другой, существуетъ масштабъ, который можетъ быть приложенъ ко всѣмъ этическимъ системамъ, именно — внутренняя послѣдовательность, необходимая связь между лежащею въ основѣ цѣлью и примѣненными средствами и путями“. Самъ Геффдингъ, признавая, что „первымъ этическимъ принципомъ должно быть установленіе опредѣленной основы, мотива оцѣнки“ при данныхъ соціальныхъ и психологическихъ условіяхъ, видитъ „этическую идею“ нашего времени въ „справедливости, какъ соединеніи самоутвержденія и преданности, симпатіи и мудрости...“ См. Г. Геффдингъ. Ученіе о принципахъ нравственности. М. 1897 стран. 17, 23, 61. Ср. также его же „Философскія проблемы“. М. 1905 стран. 74—75. Телеологическій энергетикъ Паульсенъ, кладя въ основу субъективной формальной оцѣнки правило Канта: „поступокъ хорошъ, поскольку онъ вытекаетъ изъ воли, опредѣляемой сознаніемъ долга“, замѣчаетъ: однако, никогда не существовало этики, которая останавливалась бы на этомъ. Этика всегда пыталась отвѣтить (кантовская этика тоже

Всякія попытки модифицировать дѣятельность, жертвуя внутренними императивами, приводятъ къ нарушенію гармоніи, уничтожаютъ единство и цѣльность личныхъ стремленій, колеблютъ равновѣсіе въ нравственной природѣ человѣка и потому являются безнравственными.

Можно говорить о ихъ цѣлесообразности, важности, и даже необходимости, но всѣ эти соображенія имѣютъ внутреннимъ источникомъ не нравственные интересы отдѣльнаго и самостоятельнаго „я“, а побужденія среды — партіи, класса, толпы и т. д.

Коллективная психика, конечно, можетъ подчинить и обусловить психику индивидуальную; она можетъ заставить ее пережить во имя общественной цѣлесообразности или даже нравственности такія чувства и

дѣлаетъ это) и на слѣдующій вопросъ: что же именно повелѣваетъ нравственный законъ? какое поведеніе, разсматриваемое съ объективной точки зрѣнія, будетъ согласнымъ съ долгомъ? Конечно, мы не ждемъ отъ этики, чтобы она усилила наше уваженіе къ долгу; мы хотимъ только, чтобы она сказала намъ, что должны мы считать долгомъ“. Паульсенъ находитъ рѣшеніе въ стремленіи „содѣйствовать личному и всеобщему благополучію и не дѣлать того, что не совмѣстимо съ нимъ...“ См. Ф. Паульсенъ. Основы этики. Переводъ подъ редакціей В. Ивановскаго. М. 1902 г., стран. 230—232.

Мы видимъ въ нравственности человѣческой личности не „средство совершенной человѣческой культуры“, какъ Паульсенъ, а „абсолютную самоцѣль“.

настроенія, которыя въ данный моментъ совпадаютъ съ настроеніями и чувствами автономной личности. Но коллективная психика есть нѣчто, лежащее внѣ индивида; она указуетъ ему свои цѣли и свои средства, и моментъ самостоятельнаго индивидуальнаго переживанія того, что было только что пережито вмѣстѣ съ чужими „я", является нерѣдко грозной расплатой за минутныя увлеченія.

Коллективная психика, подчиняя себѣ индивидуальную, требуетъ отреченія отъ своего полнаго чистаго „я"; съ душевными драмами личности она не считается, она довольствуется внѣшнимъ ея согласіемъ и разъ послѣднее дано, коллективная психика съ полнымъ удовлетвореніемъ впитываетъ въ себя индивидуальную, какъ равноправнаго члена.

Надъ нравственностью „я", нравственностью личности вырастаетъ новая нравственность, подчиняющаяся инымъ законамъ, чѣмъ тотъ, о которомъ мы говорили выше. Эта новая нравственность, стоящая надъ личностью, въ значительной мѣрѣ и внѣ ея, легко и свободно мирится съ компромиссами и уступками, на которыя должна итти каждая отдѣльная личность въ угоду ей. Она не видитъ и не желаетъ знать трагедіи отдѣльнаго человѣческаго существованія, она не желаетъ знать индивидуальной правды, она знаетъ только одну — коллективную правду.

Но коллективная правда есть ложь! Ради нея личность отказывается отъ полноты своей субъективной

правды, ради нея она смиряетъ свои смѣлые порывы, ибо психика массы всегда консервативна!

Коллективная правда — грубая совокупность отдѣльныхъ человѣческихъ правдъ со всѣми урѣзками и уступками, которыя необходимы, чтобы понемногу примирить всѣхъ[1]). Она — насиліе, ибо она есть грубое нравственное воздѣйствіе однихъ на другихъ[2]). Автономная личность мириться съ этой правдой не можетъ, потому что только въ ней самой, въ ея „я“ — источникъ абсолютной, единственной нравственности.

„У общества, — читаемъ мы въ одномъ этюдѣ, посвященномъ философіи культуры, — нѣтъ единаго „я“, нѣтъ общей души и общаго мозга. Осуществляемое имъ культурное творчество коренится въ послѣднемъ счетѣ все же въотдѣльныхъ личностяхъ и изъ нихъ истекаетъ. Если же личности могутъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ объединиться, согласовать свои желанія,

---

[1]) „По мѣрѣ развитія индивидуальныхъ единицъ, — пишетъ Кульчицкій, — становится все труднѣе самостоятельное и гармоническое соединеніе ихъ воли въ обществѣ“. Однако, Кульчицкій, какъ противникъ анархизма, ищетъ исхода въ „государственной организаціи“, т.-е. насильственномъ примиреніи индивидуальныхъ воль. См. Кульчицкій. Современный анархизмъ. С.-Пб. 1907 стран. 239.

[2]) Именно противъ этой формы насилія съ особенной силой протестовалъ всегда индивидуалистическій анархизмъ, начиная со Штирнера и кончая Бруно Вилле.

дѣйствія и идеалы, и выдѣлить изъ себя особый центръ, которому онѣ ввѣряютъ управленіе и руководительство, то онѣ не могутъ никому делегировать всю свою душу, не могутъ никому отчуждать безъ остатка все свое право на культурное творчество и всѣ силы для него“[1]). Совершенно правъ и А. Мишель, когда пишетъ: „Моральная личность даетъ непрерывно свое согласіе обществу, часть котораго составляетъ. Она не создаетъ его въ физическомъ смыслѣ слова, но она создаетъ его въ моральномъ смыслѣ“[2]).

Таковы вѣчныя отношенія между личной и коллективной психикой, но бываютъ моменты общественнаго экстаза, когда отдѣльныя души загораются однимъ и тѣмъ же огнемъ, когда жизнь не успѣваетъ, внести своихъ урѣзокъ въ ихъ гармоническія стремленія, когда личность, даже повинуясь своему внутреннему „я“, служитъ, однако, общему дѣлу. Это моменты напряженной, страстной борьбы, революціи, бунта, протеста. Личность

---

[1]) Струве и Франкъ. Очерки философіи культуры. 2. Культура и личность. „Полярная Звѣзда“ 1905, №3, стр. 178. Далѣе авторы признаютъ, что абсолютное руководительство началъ въ практической морали быть не можетъ, они были бы возможны „только въ обществѣ святыхъ и мудрецовъ, тамъ, гдѣ не только отсутствуетъ всякаго рода физическое и юридическое принужденіе, но нѣтъ мѣста и для духовнаго насилія...“ Въ конечномъ счетѣ все сводится къ „моральному такту“, къ дозволительности лишь „совершенно неизбѣжнаго минимума насилія“, стран. 181—183.

[2]) А. Мишель. Идея государства. С.-Пб. 1903, стр. 584.

освобождается отъ путъ, которыми давитъ ее коллективная психика, сбрасываетъ съ себя цѣпи жизненныхъ компромиссовъ и свою дѣятельность направляетъ цѣльными стремленіями своей души. Проходятъ минуты возбужденія, затихаютъ страсти, и личность вновь начинаетъ учитывать моменты, считаться съ запросами дня, говорить о трезвомъ, хладнокровномъ отношеніи къ дѣйствительности.

Исторія человѣческихъ движеній, человѣческаго развитія представляетъ изъ себя картину вѣчной смѣны этихъ двухъ типовъ реагированія человѣческой личности на окружающую дѣйствительность. Одинъ — неудержимое стремленіе впередъ къ своему идеалу, революціонаризмъ въ широкомъ смыслѣ слова, другой— „реальная политика“, мудро и трезво обдумывающая каждый свой шагъ.

Въ Новомъ Завѣтѣ, въ сценѣ Маріи и Марѳы съ Христомъ, найдемъ мы яркую иллюстрацію для этихъ двухъ типовъ, найдемъ два, величайшихъ психологическихъ прообраза и современнаго человѣка.

Марія и Марѳа принимаютъ Христа. Онъ — ихъ любимый учитель, и онъ говоритъ имъ о самомъ важномъ для человѣческой души. Но одна — вся порывъ, огонь, трепетъ любви, забвенье всего окружающаго; другая— ловитъ слова учителя межъ будничныхъ заботъ; поглощенная хозяйскими тревогами, за прозой жизни теряетъ она то, что драгоцѣннымъ бальзамомъ Христосъ проливаетъ въ жадную душу Маріи.

Эти двѣ души живутъ и сейчасъ! Марія — безудержный порывъ, чистый восторгъ предъ своимъ идеаломъ; Марѳа — бѣдная трезвая человѣческая душа, блуждающая въ потемкахъ жизни! Марія — революціонеръ, Марѳа — мирный реформаторъ, „реальный политикъ“!

Man hat schlecht dem Leben zugeschaut, wenn man nicht auch die Hand gesehen hat, die auf eine schonende Weise tödtet.

Nicht ihre Menschenliebe, sondern die Ohnmacht ihrer Mencshenliebe hindert die Christen von Heute, uns— zu verbrennen.

Friedrich Nietzsche.

Добродѣтели нельзя научиться, какъ нельзя научиться геніальности.

Фр. Паульсенъ.

II.

Казалось, невозвратно ушло отъ насъ то время, когда политика собой являла цѣлую науку, какъ перехитрить или обмануть другого, когда искусство управлять, огранизовать человѣческое общежитіе строилось исключительно на эксплуатаціи низменныхъ человѣческихъ инстинктовъ или запугиваніи робкой человѣческой природы.

Если Макіавелли говорилъ о „хорошо направленныхъ жестокостяхъ[1])“, о „порокахъ“, необходимыхъ для бла-

[1]) „...Crudelia... bene usate“. Il Principe caput VIII.

годенствія управителя[1]), или приходилъ къ заключенію, что для государя лучше, чтобы его боялись, нежели любили[2]), то казалось бы, что въ настоящее время никто уже болѣе не вѣритъ въ спасительную силу тѣхъ наивныхъ безпринципностей, которыми преисполнены разсужденія „лукаваго“ флорентійскаго публициста. И дѣйствительно, современные политики, ушедшіе далеко отъ эпохи Возрожденія, не говорятъ намъ болѣе о „хорошо направленныхъ жестокостяхъ“, а тамъ, гдѣ слово свободно, не прославляютъ „пороковъ“ государей; „раціоналистическая“ политика уступаетъ у нихъ мѣсто „политикѣ реальныхъ интересовъ“ или „реальной политикѣ“. Но, было бы великимъ заблужденіемъ думать, что современная политика въ ея нравственныхъ основаніяхъ далека отъ прославленныхъ вѣроломствъ XVI вѣка.

„Реальная политика“ есть лишь новая эластичная форма, для „хорошо направленныхъ жестокостей“ и спасительныхъ „пороковъ“, которые живы и въ наше время. Если прежде должны были они составить оби-

---

[1]) „...Ed ancora non si curi d'incorrere nell' infamia di quelli vizi senza i quali possa difficilmente salvare lo Stato“...

Ibidem Caput XV.

[2]) „...S'egli è meglio essere — amato che temuto, o temuto che amato?...“

„...E molto pin securo, — отвѣчаетъ Макіавелли, — l'esser temuto che amato...“

Ibidem, caput XVII.

ходную рецептуру государей, — то теперь входятъ они, если не въ политическій лексиконъ, то въ политическій vade mecum современныхъ организацій и партій.

И „реальная политика“ нашихъ дней есть, конечно, болѣе умная, сознательная, вѣрная и жестокая политика, чѣмъ всѣ прежнія „хорошо и дурно направленныя жестокости“, вмѣстѣ взятыя.

„Политика реальныхъ интересовъ“ есть строго позитивная политика. Она, конечно, имѣетъ свои идеалы, свои возвышенныя цѣли, но лишь въ очень отдаленномъ „конечномъ счетѣ“[1]); реальная политика не признаетъ

---

[1]) Если эти слова, по преимуществу, могутъ быть отнесены къ „реальной политикѣ“ либераловъ, „конечные идеалы“ которыхъ не выходятъ изъ области самыхъ общихъ мѣстъ и самыхъ неопредѣленныхъ пожеланій, то они все же сохраняютъ свое значеніе и для многихъ изъ современныхъ соціалистическихъ фракцій, зараженныхъ ревизіонизмомъ, фольмаризмомъ, жоресизмомъ и tutti quanti. Совершенно справедливо замѣчаетъ Кульчицкій — этотъ противникъ анархизма, что „въ большинствѣ соціалъ-демократы давно перестали быть искренними революціонерами, но не находятъ смѣлости признаться, что они совершенно не думаютъ въ настоящее время о достиженіи конечной цѣли соціализма. Ихъ совершенно поглощаютъ повседневныя дѣла“. Кульчицкій. Современный анархизмъ. С.-Пб. 1907 г., стран. 276. Справедливость требуетъ отмѣтить, что Ценкеръ, замѣчательный своимъ непониманіемъ сущности анархизма, пишетъ и про анархистовъ: „...въ дѣйствительности всѣ анархистскія теоріи — не исключая и Кропоткинской — весьма мирны и сводятся къ тому, — наивно добавляетъ онъ, — чтобы оставить все по старому (!!) и только

безудержныхъ порывовъ, она не знаетъ непримиримой ненависти къ прошлому; когда она начинаетъ разрушать или строить, она всегда отправляется отъ даннаго соотношенія реальныхъ силъ, и скептически относится къ дремлющимъ творческимъ силамъ, не поддающимся непосредственному партійному учету. Она разсчитываетъ все, до послѣднихъ мелочей, и только на расчищенной почвѣ дѣлаетъ свой микроскопическій, но съ ея точки зрѣнія единственно твердый и вѣрный шагъ.

Конечно, и у реальной политики бываютъ своего рода сентименты, когда она не прочь нарядиться въ героическую мантію или пуститься въ маниловскія мечтанія, но лишь только жизнь дастъ свой грозный окрикъ, лишь только эти безчисленные „рыцари на часъ“ увидятъ, что они не точно оцѣнили моменты силъ, они испуганно бросаются опять въ свою скорлупу и оттуда начинаютъ исправлять грѣхи своего минутнаго увлеченія.

Нѣтъ поэтому несправедливости, нѣтъ страданій, съ которыми не примирилась бы эластичная душа твердаго или, наоборотъ, сентиментальнаго реальнаго политика.

Онъ рекомендуетъ лишь мирную, органическую, легальную работу, — легальную, съ точки зрѣнія того режима, противъ котораго онъ борется. Онъ доволь-

---

(sic!) превратить прежнія принудительныя отношенія въ добровольныя“. Ценкеръ. Анархизмъ. Исторія и критика анархическихъ ученій. М. 1906 г., стран. 209.

ствуется немногимъ, его искренно радуютъ его маленькія побѣды, его слабо печалятъ большіе разгромы; къ его услугамъ то надъисторическое „passe-partout", которое сумѣетъ подыскать соотвѣтствующее объясненіе для каждаго изъ его политическихъ злоключеній.

Исходя изъ того критерія нравственности, который мы установили выше, мы должны признать, что реальная политика есть политика безнравственности, ибо никогда она не заботится объ установленіи гармоніи между внутреннимъ идейнымъ содержаніемъ человѣческой личности и ея проявленіями во внѣ.

Каждый новый шагъ въ развитіи человѣческой личности является жестокимъ осужденіемъ трезвой или „реальной" политики.

По мѣрѣ того, какъ личность эманципируется все болѣе и болѣе, становится все болѣе и болѣе автономной, все шире раскрывается дорога для свободнаго искренняго творчества. Тамъ, гдѣ прежде копошились мелкіе хитрецы, стремившіеся учесть общественный моментъ въ своекорыстныхъ цѣляхъ, понимавшіе свободу только для себя и строившіе ее на рабствѣ другихъ, явится свободная человѣческая личность, которая смѣло и увѣренно будетъ заявлять о своихъ правахъ, не считаясь съ пережитками прошлаго, не вступая съ нимъ въ компромиссъ, а утверждая немедленно въ жизни тотъ принципъ, въ который она вѣритъ. Этотъ методъ,—методъ свободнаго творчества, методъ, не знающій примиреній и жаждущій только справедливости,

методъ, стремящійся возстановить нарушенную гармонію, методъ всѣхъ искренно и сильно вѣрующихъ людей — есть методъ революціонный.

Предъ нами двѣ морали, двѣ нравственности — мораль постепеновщины, мораль осмотрительнаго и осторожнаго хода впередъ, и мораль революціи. И та и другая мораль равно близки человѣческой природѣ. Попробуемъ взглянуть глубже въ структуру этихъ двухъ психическихъ состояній.

Методъ постепеновщины или органическій методъ, по заявленію его творцовъ и послѣдователей, есть методъ наименьшихъ страданій,—страданій, понимаемыхъ, конечно, не въ смыслѣ душевнаго раскола, не въ смыслѣ внутренней неудовлетворенности, но чисто внѣшнихъ страданій, результата внѣшней борьбы. Онъ стремится — говорятъ они—достичь наивозможно большаго эффекта съ наименьшими затратами, онъ не хочетъ смерти, крови, сраженій и прибѣгаетъ къ нимъ развѣ тогда, когда отъ этого человѣчество выигрываетъ сейчатъ непосредственно.

Это—принципъ строгой расчетливости, принципъ защиты интересовъ текущаго дня, состраданія и, быть можетъ, даже теплоты къ человѣку, но къ человѣку настоящаго, къ „ближнему“. Этой любви къ „ближнему“ приносятся въ жертву идеалы, цѣльность настроеній, личная вѣра. Не они опредѣляютъ моральную цѣнность поступка, а трезвый расчетъ. Это—принципъ утилитаризма.

„Утилитарная мораль, — читаемъ мы въ одномъ глубо-

комъ этюдѣ, посвященномъ Ницше, — усматривающая свой идеалъ въ „наибольшемъ счастьи наибольшаго числа людей“, основана, несомнѣнно, на чувствѣ любви къ ближнему, которое одно только и заставляетъ насъ цѣнить счастье ближнихъ... Утилитарная мораль будетъ считать законными и борьбу, и отсутствіе состраданія, и всѣ остальныя требованія этики „любви къ дальнему“, если въ результатѣ ихъ возрастаетъ сумма счастья на землѣ. Доктрина утилитаризма примиряетъ такимъ образомъ, антитезу моральныхъ чувствъ, кладя въ основу морали просто принципъ хозяйственности“[1]).

Этотъ хозяйственный принципъ,—принципъ всякой реальной политики, въ глазахъ освобождающейся личности не можетъ служить достаточнымъ моральнымъ критеріемъ. Она начинаетъ цѣнить больше свою вѣру и свои идеалы, чѣмъ временное благополучіе свое и благополучіе своего сосѣда.

Любовь къ ближнему погружаетъ въ такія бездны лицемѣрія и лжи, вноситъ столько условности, сознательной и безсознательной несправедливости во всѣ человѣческія стремленія, что эманципирующееся „я“

---

[1]) См. статью С. Л. Франка „Фр. Ницше и этика любви къ дальнему“. Въ сборникѣ „Проблемы идеализма“, стран. 161—162. Ср. также любопытныя замѣчанія о „Herren-Moral“ и „Sclaven-Moral“ у Ницше въ очеркѣ М. Шварца „Культурно-этическіе идеалы Гюйо и Ницше“. „Вопросы Философіи и Психологіи“. 1902 г. ноябрь—декабрь.

не можетъ мириться съ относительнымъ благополучіемъ, этимъ вѣнцомъ утилитарной морали.

Въ изумительной по творческой страстности и напряженности главѣ „Бунтъ“, авторъ Карамазовыхъ говоритъ устами Ивана: „Я... долженъ сдѣлать одно признаніе, я никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ-то, по-моему, и невозможно любить, а развѣ лишь дальнихъ... Чтобъ полюбить человѣка, надо, чтобы тотъ спрятался, а чуть лишь покажетъ лицо свое — пропала любовь... Отвлеченно еще можно любить ближняго и даже иногда издали, но вблизи почти никогда...“

Такова—исповѣдь этой, одной изъ самыхъ глубокихъ страстныхъ и искреннихъ натуръ, какія только знаетъ міровая литература. Въ ищущемъ правды человѣкѣ встаетъ глубокое сомнѣніе въ возможности любви къ ближнему, ибо эта любовь полна принужденія, т.-е. лжи; вполнѣ честно и искренно человѣкъ любитъ только свой идеалъ, свою вѣру, свое грядущее освобожденіе, только въ служеніи имъ онъ и можетъ найти всю возможную полноту человѣческаго счастья.

Но, у Достоевскаго — только сомнѣніе и протестъ, исканіе взбудораженной души, у Ницше находимъ мы гордое категорическое утвержденіе, новый абсолютный принципъ морали.

„Höher als die Liebe zum Nächsten, — говоритъ Заратустра, — steht die Liebe zum Fernsten und Künf-

tigen; höher noch als die Liebe zu Menschen gilt mir die Liebe zu Sachen und Gespenstern“[1]).

Вотъ — философія революціоннаго духа. Здѣсь революціонный методъ находитъ свои этическія основанія. Въ неутомимомъ исканіи новаго, въ ненависти къ шаблону и нивелировкѣ свободнаго человѣческаго духа онъ можетъ смѣло взять своимъ девизомъ, въ противоположность трезвымъ утилитаристамъ, заповѣдь Заратустры о любви къ „вещамъ и призракамъ“, какъ неугасимымъ идеаламъ, живымъ въ душѣ борющейся личности. Этика любви къ ближнему можетъ развиться не только въ „этику сострадания, душевной мягкости, миролюбія, доброты и успокоенія“[2]), но и въ этику жестокости, въ этику несправедливости, въ этику гоненій и преслѣдованій свободнаго духа.

Шествіе революціонера, какъ смертоносно бъ оно ни казалось, освящено и согрѣто лучами той правды, которой онъ служитъ, и истинное человѣколюбіе всегда на его сторонѣ, ибо онъ служитъ идеалу, стоящему надъ мечтаніями и желаніями сегодняшнихъ людей, — идеалу, включающему въ свои гордыя требованія абсолютную формулу счастья, какъ она рисуется свободному человѣческому духу безъ уступокъ времени и исторической обстановкѣ.

---

[1]) „... Выше нежели любовь къ ближнему стоитъ любовь къ дальнему и будущему; еще выше, чѣмъ любовь къ людямъ, цѣню я любовь къ вещамъ и призракамъ“.

[2]) См. выше цитированную статью Франка, стран. 159.

„Не человѣколюбіе, — восклицаетъ Ницше въ „По ту сторону добра и зла", — а безсиліе человѣколюбія препятствуетъ миролюбцамъ нашего времени сжечь насъ"[1]).

Спасеніе духа выше стоитъ спасеній плоти. Нѣтъ жертвъ достаточныхъ, которыхъ нельзя было бы принести за него, и нѣтъ для спасенія духа безплодныхъ жертвъ. Онѣ не безплодны, если гибнутъ во имя своего идеала. Безплодныя сейчасъ — онѣ не безплодны для будущаго. На нихъ строится все будущее счастье, всѣ будущія моральныя цѣнности. Эти жертвы — жертвы любви къ дальнему, любви къ своему идеалу, и въ ихъ трагической гибели — залогъ грядущаго высшаго освобожденія человѣческаго духа[2]).

„Я люблю тѣхъ, — говорилъ Заратустра, — кто не умѣетъ жить: ихъ гибель — переходъ къ высшему"...[3])

---

[1]) Nicht ihre Menschenliebe, sondern die Ohnmacht ihrer Menschenliebe hindert die Christen von Heute uns zu verbrennen". Fr. Nietzsche. Jenseits von Gut und Böse. № 104.

[2]) Фуллье не чувствуетъ этой цѣли въ ученіи Ницше, когда пишетъ: „...пламенное прославленіе страданія, какъ бы прекрасно оно ни было въ смыслѣ моральнаго вдохновенія, мало понятно въ доктринѣ, не признающей никакого реальнаго добра, никакой истинной цѣли, по отношенію къ которымъ страданіе могло бы служить средствомъ. См. А. Фуллье. Ницше и имморализмъ. С.-Пб. 1905 г., стран. 97.

[3]) „...Ich liebe Die, welche nicht zu leben wissen, es sei denn als Untergehende, denn es sind Hinübergehende". Fr. Nietzsche. Also sprach Zarathustra. Zarathustras Vorrede № 4. Leipzig 1901, стран. 16.

„Я люблю того, у кого свободенъ духъ и свободно сердце; его голова — лишь содержимое его сердца, а сердце влечетъ его къ гибели“...[1])

„...Я люблю того, кто хочетъ созидать дальше себя и такъ погибаетъ“...[2])

„Своей побѣдоносной смертью умираетъ созидающій, окруженный надѣющимися и благословляющими... Такъ надо учиться умирать... Такъ умирать — лучше всего, второе же — умереть въ борьбѣ и расточить великую душу“...[3])

Но, если въ этомъ трагическомъ стремленіи къ гибели заключенъ высшій возможный для человѣка нравственный подвигъ, то въ немъ же — императивъ неумолимаго отношенія къ прошлому и настоящему[4]).

---

[1]) „...Ich liebe Den, der freien Geistes und freien Herzens ist. So ist sein Kopf nur das Eingeweide seines Herzens, sein Herz aber treibt ihn zum Untergang...“ Ibidem, стран. 18.

[2]) „...Ich liebe Den, der über sich selber hinaus schaffen will und so zu Grunde geht...“ „Vom Wege des Schaffenden“, o. c., стран. 94.

[3]) „...Seinen Tod stirbt der Vollbringende, siegreich, umringt von Hoffenden und Gelobenden... Also sollte man sterben lernen... Also zu sterben ist das Beste; das zweite aber ist: im Kampfe zu sterben und eine grosse Seele zu verschwenden...“ „Vom freien Tode“, o. c., стран. 105.

[4]) Добровольное отреченіе богачей отъ своихъ сокровищъ, даже искреннее — читаемъ мы, напримѣръ, у Реклю, — опасно и вредно: „необходимо для торжества справедливости, для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, чтобы угнетенные и обездоленные поднялись и вернули сами все отнятое у нихъ, чтобы рабы сами

Душа революціонера, преисполненная любви „къ дальнему“ — должна быть безбоязненна! Безжалостно должна она смести всю несправедливость, отмстить за всѣ страданія и слезы, за всѣ издѣвательства и надруганія. Она должна быть безпощадной въ своихъ преслѣдованіяхъ; всякій компромиссъ есть пошлость, примиреніе съ насиліемъ, всякое непротивленіе злу — есть внутренняя фальшь, рабство, гибель человѣческой свободы и личности[1]).

вернули свою свободу“. El. Reclus. L'Evolution, la Révolution et l'idéal anarchique. 2-е изд. Парижъ 1898 г., стран. 154.

[1]) „...Всякая великая любовь выше состраданія: потому что она жаждетъ творить любимое!“ Самого себя приношу я въ жертву моей любви и ближняго своего, подобно мнѣ“ — такъ говоритъ созидающій... Всѣ созидающіе — безжалостны!...

„...Alle grosse Liebe ist noch über all ihrem Mitleiden; denn sie will das Geliebte noch — schaffen! „Mich selber bringe ich meiner Liebe dar, und meinen Nächsten gleich mir“ — so geht die Rede allen Schaffenden. Alle Schaffenden aber sind hart“ — Also sprach Zarathustra. Von den Mitleidigen, стран. 130.

Въ этой проповѣди самосжиганія, въ этомъ гордомъ исканіи страданій во имя высшихъ нравственныхъ задачъ, во имя неугасимой жажды абсолютнаго творчества — заключены и высшія возможности счастья. Формула страданій совпадаетъ съ формулой счастья.

См. также превосходныя замѣчанія С. Франка, посвященныя этикѣ борьбы у Ницше въ вышецитированной статьѣ его, стран. 153—160.

Проповѣдникъ строительства „настоящаго“ во имя любви къ „ближнему“ пассивными средствами — Л. Толстой не пони-

Революціонный методъ — есть методъ наиболѣе сильнаго, искренняго и жгучаго исканія, онъ—драгоцѣненъ, какъ чистый порывъ къ воплощенію любимаго этическаго идеала. Въ разсчитанной, трезвой, мудрой политикѣ нѣтъ истиннаго паѳоса, подвижническаго энтузіазма. Среди ея прозелитовъ не раздастся апостольскаго слова, они дѣлятъ ризы Бога, не зная самого Бога.

маетъ этого. „Любви, — пишетъ онъ въ небольшомъ разсужденіи „Любовь", — въ будущемъ не бываетъ; любовь есть только дѣятельность въ настоящемъ. Человѣкъ же, не проявляющій любви въ настоящемъ, не имѣетъ любви".

Ich regiere die Vergangenheit...
Ich habe von ihr gelernt...

John Henry Mackay.

III.

Когда революціонная душа при свѣтѣ своихъ идеаловъ въ неудержимомъ творческомъ порывѣ сметаетъ окружающую неправду, не останавливаясь предъ жертвами, боязливая психика „реальнаго политика“ хватается за послѣдній якорь спасенія, — она апеллируетъ къ исторической необходимости! Она пытается остановить безумца, она грозитъ ему страшной Немезидой историческихъ законовъ, она напоминаетъ ему, что прошлое указало пути, съ которыхъ нельзя сойти безнаказанно.

Когда „историческая необходимость“, „историческіе и политическіе законы“ привлекаются къ отвѣту для защиты отъ безумствъ революціонера, невольно вспоминаются безсмертныя слова Гётевскаго Мефистофеля:

Кто хочетъ что-нибудь живое изучить,
Сперва его всегда онъ убиваетъ,
Потомъ на части разнимаетъ,

Хоть связи жизненной, увы, тамъ не открыть...
. . . . . .
. . . . . .
Коль скоро недочетъ въ понятіяхъ случится,
Ихъ можно словомъ замѣнить.
Словами диспуты ведутся,
Изъ слова темы создаются;
Словамъ должны вы довѣрять,
Въ словахъ нельзя ни іоты измѣнять“[1]).

Законы „исторической необходимости“ были всегда тѣмъ словомъ, которое своей безнадежной схоластичностью убивало въ зародышѣ смѣлую мысль, душило смѣлое слово, опускало поднявшіяся руки. „Историческая необходимость“— этотъ сфинксъ, никѣмъ и никогда еще не разгаданный[2]), не разъ былъ тормазомъ

---

[1]) „Никогда еще, — пишетъ Анри Мишель, — не было такъ много системъ, какъ въ началѣ XIX вѣка, и никогда еще вѣра въ системы не была такъ поколеблена, какъ за послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ“. А. Мишель, о. с., стран. 571—572.

[2]) „Съ идеей о необходимомъ предшествованіи, — пишетъ Лакомбъ — связывается какъ бы сама собою идея о болѣе или менѣе обязательномъ наступленіи... Когда намъ кажется, что явленіе рѣшительно всегда слѣдуетъ за вызывающей его причиной, мы называемъ его вполнѣ неизбѣжнымъ. Напротивъ того, если при наличности причины явленіе можетъ и отсутствовать, его признаютъ случайнымъ. Понятія о неизбѣжномъ и случайномъ оказываются поэтому чисто субъективными, выражающими личныя наши интеллектуальныя и нравственныя впечатлѣнія. На самомъ дѣлѣ, означенныя понятія не содержатъ въ себѣ ничего абсолютнаго. Въ природѣ нѣтъ двухъ различныхъ порядковъ: опредѣленнаго

стремленію впередъ, протесту, попыткамъ сознательнаго творчества.

Литература о политикѣ и ея задачахъ необъятна; всѣ общепризнанные геніи человѣческаго рода громоздили горы соціально-политической рецептуры, но она не имѣетъ никакой научной цѣнности.

Начиная съ Платона, Аристотеля, Макіавелли, Бодена, Гуго Гроція, Монтескьё, кончая болѣе близкими: Боклемъ, Спенсеромъ, Дальманомъ, Блюнчли, Трейчке, Гольцендорфомъ, Стропинымъ, Чичериным и безчисленнымъ множествомъ другихъ, сокровищница найденныхъ и вновь изобрѣтаемыхъ политическихъ законовъ не изсякала, и между тѣмъ, когда и гдѣ, какой народъ, какая страна строили свою жизнь по законамъ, отысканнымъ мудрецами?

Наоборотъ, законы безжалостно попирались, жизнь топтала ихъ, творила новыя, юныя формы, для того, чтобы новые добросовѣстные изслѣдователи изучали ихъ и собирали въ кодексы для просвѣщенія народовъ.

Въ основѣ этихъ страстныхъ исканій среди развалинъ прошлаго научной истины, несущей уроки будущему, лежитъ глубокое, трагическое недоразумѣніе. Каждый день съ яркой убѣдительностью міровой

и случайнаго, хотя въ насъ самихъ и замѣчается постепенный переходъ соотвѣтствующихъ впечатлѣній. Мы противополагаемъ опредѣленное случайному..." Л а к о м б ъ. Соціологическія основы исторіи (Histoire considérée comme science. Paris 1894). С.-Пб. 1895 г., стран. 206—207.

опытъ намъ показываетъ, что уроки исторіи — увы! — не имѣютъ еще общеобязательнаго, универсальнаго значенія; пусть за каждой исторической катастрофой слѣдуетъ взрывъ ламентацій, что уроки исторіи были забыты, что наказаніе обрушилось на голову человѣчества правомѣрно — всѣ эти сужденія раздаются слишкомъ поздно; до катастрофы они носятъ характеръ догадокъ, мечтаній, историческихъ параллелей и аналогій, сообразно партійнымъ вкусамъ и симпатіямъ ихъ авторовъ, и никого убѣдить не могутъ. „...Если мы, — пишетъ Кропоткинъ, — даже въ изученіи климата и погоды (метеорологіи) еще не дошли до того, чтобы предсказывать погоду за мѣсяцъ впередъ или даже за недѣлю, то напрасно было бы ожидать отъ молодыхъ общественныхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ явленіями, несравненно болѣе сложными, чѣмъ вѣтеръ и дождь, чтобы онѣ могли уже съ достовѣрностью предсказывать грядущія общественныя явленія“[1]).

Общественный процессъ слишкомъ сложенъ для нашей познавательной природы, вооруженной слабыми и недостаточными методологическими пріемами.

Прежде всего, мы не должны игнорировать того неизбѣжно-субъективнаго отношенія историка къ матеріаламъ прошлаго, съ которымъ онъ приступаетъ къ самому изслѣдованію историческихъ фактовъ. Отборъ фактовъ, ихъ классификація, опредѣленіе и оцѣнка

[1]) П. Кропоткинъ. Современная наука и анархизмъ. М 1906 г. Изданіе Иванова, стран. 23.

ихъ сравнительной роли находятся въ полной зависимости отъ субъективнаго усмотрѣнія изслѣдователя. Однѣ и тѣ же явленія, одни и тѣ же факты имѣютъ далеко неравнозначущее значеніе въ глазахъ разныхъ изслѣдователей. Каждый изъ нихъ предъявляетъ къ историческому матеріалу свои требованія, разсматриваетъ его съ своей опредѣленной точки зрѣнія, въ своемъ разрѣзѣ. Изученіе опредѣленнаго химическаго процесса приводитъ цѣлую группу разнородныхъ изслѣдователей къ опредѣленному, однородному выводу; изученіе опредѣленнаго историческаго процесса, почти неизбѣжно, сопровождается обратнымъ результатомъ. „При установленіи теоріи историческаго процесса, — справедливо замѣчалъ еще Лавровъ, — самая точная эрудиція не можетъ устранить ошибки, если авторъ устанавливаетъ ложный идеалъ; здѣсь отражается личное, индивидуальное развитіе историка... Сознательно или безсознательно, человѣчество прилагаетъ ко всей исторіи человѣчества ту нравственную выработку, которой онъ самъ достигъ...“ „Волей-неволей — продолжаетъ онъ — приходится прилагать къ процессу исторіи субъективную оцѣнку, т.-е. усвоивъ, по степени своего нравственнаго развитія, тотъ или другой нравственный идеалъ, расположить всѣ факты исторіи въ перспективѣ, по которой они содѣйствовали или противодѣйствовали этому идеалу...“[1]).

[1]) П. Л. Лавровъ. Историческія письма, 3-е изданіе. С.-Пб. 1906 г., стран. 36—37.

„Стремленіе же, — пишетъ другой писатель, — найти во что бы то ни стало всегда и всюду дѣйствующіе съ желѣзной необходимостью законы общественнаго развитія, фатально приводило, въ случаѣ ихъ дѣйствительно всеобщей примѣнимости, по выраженію Дильтея, къ однимъ общимъ, безсодержательнымъ мѣстамъ, notiones universales“[1]).

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли самое понятіе историческаго закона?

„Есть два способа изученія дѣйствительности, — разсуждаетъ Булгаковъ въ превосходномъ этюдѣ „Основныя проблемы теоріи прогресса“, — въ одномъ случаѣ вниманіе устремляется на общее, въ другомъ — на особенное. Согласно Риккерту... въ одномъ случаѣ мы имѣемъ естествознаніе, науку, оперирующую съ общими понятіями, въ другомъ — исторію, имѣющую задачей возможно точное установленіе дѣйствительности съ ея индивидуальными особенностями“[2]).

Въ чемъ же отличіе исторической дѣйствительности отъ дѣйствительности, изучаемой естествознаніемъ? „Общія понятія естествознанія, — продолжаетъ цитируемый нами авторъ, — получаются выдѣленіемъ извѣстной суммы свойствъ предмета путемъ абстрак-

---

[1]) Делевскій. „Къ вопросу о возможности историческаго прогноза“. С.-Пб. 1906 г., стран. 24.

[2]) С. Н. Булгаковъ. Основныя проблемы теоріи прогресса въ Сборникѣ „Проблемы идеализма“, стран. 12.

ціи; но эти свойства сами по себѣ представляютъ самостоятельную реальность... Соціологическія понятія, напротивъ, не представляютъ такого выдѣленія общаго и повторяющагося во всѣхъ индивидуальныхъ случаяхъ, получаются путемъ сліянія цѣлаго ряда различныхъ, но между собою связанныхъ событій въ понятіе, которое и получаетъ до извѣстной степени значеніе символа, условнаго обозначенія этого ряда явленій... въ послѣднемъ случаѣ элементы событія теряютъ свое самостоятельное бытіе и соединяются въ новомъ, отличномъ отъ каждаго изъ нихъ синтезѣ“[1]).

И современная философія исторіи въ ея наиболѣе выдающихся представителяхъ видитъ именно въ исторіи „научную дисциплину, отличительная черта которой заключается въ конкретномъ и индивидуальномъ характерѣ изслѣдуемой ею дѣйствительности“. Такое мнѣніе раздѣляется Зиммелемъ, Виндельбандомъ, Дильтеемъ, Зигвартомъ, Менгеромъ, Бернгеймомъ, Тардомъ, Сеньобосомъ, Карѣевымъ и др.[2]). Всѣ они видятъ въ „исторіи въ широкомъ смыслѣ“ — „изображеніе эмпирической дѣйствительности во всѣхъ ея индивидуальныхъ особенностяхъ... Но, эта эмпирическая дѣйствительность во всей своей многочисленной индивидуальности не повторяется никогда; повторяются

[1]) Ibidem, стран. 13.

[2]) Ю. Делевскій. Къ вопросу о возможности историческаго прогноза. С.-Пб. 1906 г., стран. 11.

только элементы дѣйствительности, вслѣдствіе повторенія отношеній и комбинацій отношеній...“[1])

Такой взглядъ на исторію, какъ на „систему неповторяющихся явленій“, защищаетъ и П. Л. Лавровъ въ своихъ „Историческихъ письмахъ“. Историкъ, по его мнѣнію, разсматриваетъ группу явленій „въ ея сложности, какъ обособленное явленіе, наблюдаемое однажды, и которое, въ своей цѣлости и сложности, повторенія не допускаетъ...; поэтому и всѣ попытки мыслителей, которые, подобно Вико, старались свести исторію на процессъ повторяющихся явленій, оказались весьма неудачны...[2])

Оставляя послѣднее заявленіе на совѣсти цитируемаго нами автора, мы замѣтимъ только, что доказываемому здѣсь положенію нисколько не противорѣчатъ тѣ новѣйшія историческія открытія, которыя нерѣдко

---

[1]) Ibidem, стран. 12—13. „Въ исторіи, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — мы имѣемъ дѣло со сложными взаимодѣйствіями индивидуумовъ и массъ, съ пестрою серіей взаимно переплетающихся соціальныхъ группъ, связанныхъ другъ съ другомъ то солидарностью, то антагонизмомъ, и вообще съ безконечнымъ числомъ разнообразныхъ сочетаній отношеній и воздѣйствій“. Ibidem, стран. 26.

[2]) П. Л. Лавровъ, о. с., стран. 24—26. „Относительно же исторіи, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ — еще сомнительно, открыла ли она хоть одинъ законъ, собственно ей принадлежащій; она выработала лишь изящныя картины и, по точности своихъ предсказаній, стоитъ на одной ступени съ предсказателями погоды“. Ibidem, стран. 12—13.

перевертываютъ вверхъ дномъ всѣ наши ранѣе сложившіяся представленія объ исчезнувшихъ эпохахъ и народностяхъ. Мы прекрасно понимаемъ, что „Исторія древности“ Э. Мейера, или еще гораздо болѣе — открытіе Вавилонскихъ законовъ царя Гамураби, отдѣленнаго отъ насъ тысячелѣтіями, раскрываютъ намъ новые историческіе горизонты и безконечно расширяютъ нашъ историческій кругозоръ, возсоздавая передъ нами удивительно сложную культуру, притомъ, повидимому, гораздо болѣе близкую нашему времени, чѣмъ тѣ цивилизаціи, которыя мы пережили, сравнительно съ первой, недавно.

Но кто же станетъ оспаривать, что рядомъ съ учрежденіями, родственными намъ по духу, чрезвычайно напоминающими своей структурой и своими характерными особенностями наши современныя учрежденія, тогда существовали и жили и совершенно непонятные намъ теперь институты, не укладывающіеся въ рамки нашей современной психологіи? Ясно, что сходные институты выступали въ такихъ комбинаціяхъ, которыя въ наше время не повторяются, а потому не допускаютъ и установленія какихъ-либо историческихъ параллелей.

Культура, создаваемая и переживаемая въ первый разъ, и позднѣйшая культура, имѣющая общія черты съ первой и знающая ее, — эту первую культуру — двѣ разнородныя культуры, ибо въ позднѣйшую, помимо конкретныхъ частностей, привходитъ еще и новый,

громадной важности психологическій факторъ, котораго не было въ первой. Поэтому и ссылки якобы на тождественность законовъ развитія обѣихъ культуръ будутъ завѣдомо неправильными.

Если исторія есть смѣна не повторяющихся явленій, мы невольно должны остановиться въ полномъ безсиліи предъ этимъ непознаваемымъ хаосомъ взаимодѣйствующихъ вліяній, мѣняющихся во времени. Вѣдь мы не можемъ искусственно изолировать общественныхъ явленій, мы не можемъ экспериментировать отдѣльными историческими фактами, слѣдовательно, мы не можемъ и учесть болѣе или менѣе точно вліянія отдѣльной причины.

При сложности и вѣчно возрастающемъ усложненіи соціальнаго процесса, ссылка на „историческій законъ“ каждый разъ требовала бы спеціальнаго детальнаго анализа всѣхъ новыхъ привходящихъ факторовъ, которые могли отсутствовать въ конгломератѣ фактовъ, послужившемъ матеріаломъ для конструированія „историческаго закона“.

Этотъ анализъ остается лишь благочестивымъ пожеланіемъ, ибо прошлое представляетъ намъ своеобразное „химическое соединеніе“ историческихъ фактовъ и явленій, съ которымъ намъ нечего дѣлать при нашей неспособности къ искусственной изоляціи.

При такихъ условіяхъ ссылки на историческія событія, протекавшія при иныхъ комбинаціяхъ историческихъ элементовъ и отдѣленныя отъ переживаемаго

состоянія извѣстной хронологической давностью, являются не только неубѣдительными, но и неправильными. Въ дѣйствительности историческіе уроки никого и никогда не учатъ, и только послѣ катастрофъ усердные историки, устанавливающіе и признающіе историческіе законы, извлекаютъ изъ архивовъ историческихъ событій факты, которые въ свое время должны были быть грознымъ предостереженіемъ, а теперь являются лишь живымъ укоромъ для пренебрегшихъ ими современниковъ.

Наконецъ, современная соціологія, стремящаяся стать все болѣе и болѣе психологической, полагаетъ, что всякій сложный соціальный моментъ въ конечномъ счетѣ представляетъ изъ себя лишь своеобразную комбинацію психическихъ элементовъ. Но соціологіи въ качествѣ матеріала подлежитъ не столько индивидуальная психологія, сдѣлавшая громадные успѣхи въ прошломъ XIX стол., сколько психологія коллективная, т.-е. изученіе психическихъ явленій на почвѣ различныхъ формъ человѣческаго общежитія [1]). Между тѣмъ, коллективная психологія дѣлаетъ едва свои первые шаги, и пройдетъ, вѣроятно, еще не мало времени, пока коллективная психологія займетъ самостоятельное мѣсто въ ряду другихъ частно-соціологическихъ дисциплинъ.

---

[1]) См. объ этомъ, напр. Кареѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. 1890 г., стран. 209, или его же Основные вопросы философіи исторіи. 1897 г. 3-е изд.

Во всякомъ случаѣ, для насъ въ настоящее время остается еще совершенно темнымъ и невыясненнымъ вопросъ о процессѣ образованія коллективной психологіи изъ индивидуальныхъ психическихъ состояній [1]). Такимъ образомъ,къ нашей познавательной неумѣлости прибавляется еще невозможность сейчасъ для насъ измѣренія и индивидуальной и коллективной психики прошедшихъ эпохъ.

При этихъ условіяхъ, сколько бы мы ни создавали соціально-политическихъ законовъ, они не могутъ претендовать на универсальное, обязательное значеніе. Они — результатъ и невѣрнаго пониманія и неполнаго изслѣдованія историческаго процесса.

Историческій прогнозъ, какъ „предвидѣніе событій и измѣненій въ состояніи дѣйствительно существующаго общества, разсматриваемаго во всей своей многосложной индивидуальности“ [2]) — невозможенъ. Для этого историческая наука не обладаетъ спеціальнымъ позна-

---

[1]) Наиболѣе ярко это чувствуется, напр., въ экономической школѣ предѣльной полезности: и австрійскіе экономисты и англійскіе въ родѣ Маршалла, Смарта и др., даютъ цѣнныя конструкціи, пока они имѣютъ дѣло съ индивидуальной психологіей покупателя, продавца, предпринимателя и т. п., но становятся совершенно безсильными, какъ только переходятъ къ анализу коллективной психологіи. Они или игнорируютъ сложныя явленія соціальной жизни (рабочія организаціи), или грубо схематизируютъ ихъ, отправляясь отъ индивидуальной точки зрѣнія.

[2]) Д е л е в с к і й, о. с., стран. 18.

вательнымъ аппаратомъ [1]). Каждая эпоха — писалъ Булгаковъ въ своей работѣ, посвященной „Капитализму и земледѣлію“, — приноситъ новые факты и новыя силы историческаго развитія, — творчество исторіи не оскудѣваетъ. Поэтому всякій прогнозъ относительно будущаго, основанный на данныхъ настоящаго, неизбѣжно

[1]) Булгаковъ въ своей статьѣ безапелляціонно заявляетъ: „Тезисъ о невозможности установленія историческихъ законовъ и предсказаній доказанъ Диккертомъ въ его „Границахъ естественно-научнаго образованія понятій“; совершенно неопровержимо, то что всякія дальнѣйшія доказательства по существу дѣла являются совершенно излишними... способность соціальной науки къ предсказаніямъ никогда не была достаточно доказана ни теоретически ни практически“... Разумѣя подъ „предсказаніемъ“ — „точное опредѣленіе наступленія будущихъ событій въ опредѣленномъ пунктѣ пространства и времени“, онъ совершенно справедливо прибавляетъ: „Всякія иныя предсказанія суть просто общія мѣста, изъ приличія называемыя иногда въ общественной наукѣ латинскимъ словомъ „тенденція“ развитія“. Булгаковъ, о. с., стран. 11, 12, 14. Делевскій, о. с., стран. 35—30 и далѣе. „Но какъ же будутъ жить люди, не повинуясь человѣческой власти? — пишетъ Л. Толстой въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній. — Какъ они будутъ завѣдывать своими общественными дѣлами? Что будетъ съ государствомъ?... Такіе вопросы дѣлаютъ люди, привыкшіе думать, что условія жизни всѣхъ людскихъ обществъ опредѣляются волей и распоряженіями нѣсколькихъ, и потому предполагающіе, что знаніе того, какъ сложится будущая жизнь общества, доступно людямъ. А между тѣмъ знаніе это никогда не было и не можетъ быть доступно людямъ“. Л. Толстой. О значеніи русской революціи. Москва 1907 г., стран. 69 и далѣе.

является ошибочнымъ... Честное ignoramus мы предпочитаемъ соціальному знахарству или шарлатанству“[1])...

Этимъ еще не отрицается самая возможность существованія скрытыхъ, лежащихъ внѣ насъ историческихъ законовъ. Мы готовы согласиться съ американскимъ экономистомъ Э. Зелигманомъ, когда онъ утверждаетъ, что „наша неспособность открыть законъ ни въ какомъ

---

[1]) Булгаковъ. Капитализмъ и земледѣліе, томъ II, стран. 457—458. Такое „ignoramus“, на которомъ, какъ замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, никакъ не можетъ успокоиться человѣческій духъ“ и которымъ „не кончается все дѣло“ (Основныя проблемы теоріи прогресса, стран. 16 и прим. 1) — только съ явной передержкой можетъ быть сопричислено къ буржуазному мышленію“ или противопоставлено „пролетарской философіи“. Между тѣмъ, именно такъ поступаетъ, напр., Л. Паннекоекъ съ „ignorabimus“ Дюбуа-Реймона въ предисловіи къ книгѣ I. Дицгена „Теорія познанія въ свѣтѣ марксизма“. Изд. „Правда“. Кіевъ 1907 г., стран. 26. Именно такъ поступаетъ и одинъ изъ русскихъ представителей „реалистическаго міровоззрѣнія“ г. Базаровъ, когда онъ пишетъ: „Пресловутое ignorabimus диктуется или традиціонными вѣрованіями, превращающими критику познанія въ цензуру его, или мѣщанскою потребностью фактическое невѣжество данной минуты провозгласить абсолютными „предѣлами“ познанія. Для ума, утомленнаго вѣчною погонею за новыми цѣнностями или „лѣниваго“ отъ рожденія, одинаково соблазнительно и найти поскорѣе объективный фундаментъ познанія въ матафизической предпосылкѣ, и установить абсолютныя границы его въ принципіально познаваемомъ“. См. „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія“. Сборникъ. Изд. 2-е. С.-Пб. 1905 г., стран. 216.

случаѣ не можетъ подвергать сомнѣнію фактъ его существованія“[1]).

Но мы утверждаемъ, что сейчасъ, при современной познавательной природѣ нашей „соціальной“ или „исторической“ науки, мы не знаемъ и не можемъ знать историческихъ законовъ“, мы не предвидимъ и не можемъ предвидѣть будущаго.

Исторія съ ея мнимыми законами не можетъ быть надъ нами. Безполезно аппелировать къ ней на „безумства“, „надорганическіе скачки“, „революціонный методъ“ автономной личности. Самоутвержденіе является высшимъ идеаломъ для послѣдней и во имя конеч-

---

[1]) „Тѣ, которые отрицаютъ существованіе историческихъ законовъ, — пишетъ Зелигманъ, — находятся, повидимому, подъ вліяніемъ какого-то недоразумѣнія. Что ясно вытекаетъ изъ ихъ возраженія, такъ это только то, что нѣкоторые частные исторические законы выведены неправильно или что причины нѣкоторыхъ опредѣленныхъ историческихъ событій такъ сложны и такъ мало намъ извѣстны, что въ настоящее время еще невозможно какое-нибудь общее для всѣхъ событій объясненіе. Но нельзя утверждать, что историческіе законы вообще не существуютъ. Тотъ простой фактъ, что мы не открыли еще какого-нибудь закона, не можетъ служить доказательствомъ, что онъ вообще не существуетъ“. Или въ другомъ мѣстѣ: „Отрицать самое существованіе соціальныхъ законовъ только потому, что нѣкоторые изъ выработанныхъ уже не могутъ быть признаны удовлетворительными, это значило бы повторять ошибку, совершаемую крайними представителями историческаго экономизма, къ сожалѣнію, все еще очень многочисленными...“ См. Э. Зелигманъ. Экономическое объясненіе исторіи. Кіевъ 1906 г., стран. 57—58.

наго освобожденія духа она можетъ пренебрегать традиціями, игнорировать „законы“ прошлаго. Она сама куетъ для себя свои законы. Они рождаются при свѣтѣ ея совѣсти. Въ нихъ — единственно обязательные для нея историческіе законы.

„Вопросъ о соціальномъ идеалѣ, — пишетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ критиковъ экономическаго матеріализма—Масарикъ, — имѣетъ для насъ значеніе и субъективное и индивидуальное. Мы также не вѣримъ и въ абсолютный авторитетъ объективной исторіи и потому для насъ соціальный идеалъ опредѣляется не одной только философіей исторіи и исторіей... Исторія, если она сдѣлается точной наукой, можетъ до нѣкоторой, очень незначительной степени предвидѣть, но она не можетъ опредѣлить, какъ я поступлю въ данномъ случаѣ. Предсказаніе не есть еще дѣйствіе... Никакая исторія ни даетъ мнѣ ни совѣсти ни чувства долга; никакое пониманіе исторіи, какъ бы точно и научно оно не было, не можетъ замѣнить этики... Вѣдь и я тоже — я съ моимъ сознаніемъ, съ моей совѣстью — есть исторія!“[1])

---

[1]) „Политика, — продолжаетъ Масарикъ, — такъ же какъ и всѣ практическія науки, подчинена этикѣ... Когда я говорю, что всѣ практическія науки должны быть подчинены этикѣ, я хочу сказать, что каждое дѣло, каждое дѣйствіе... должно быть нравственнымъ, такъ же, какъ каждое мышленіе должно быть логическимъ...“ Масарикъ. Философскія и соціологическія основанія марксизма. М. 1906 г., стран. 206—208.

Передъ нами осторожный трезвый изслѣдователь, не утопистъ и не революціонеръ и онъ говоритъ намъ въ такихъ убѣдительныхъ пламенныхъ словахъ о творческой силѣ личности. Онъ говоритъ намъ, что не исторія и ея законы руководятъ нашимъ сознаніемъ и нашей совѣстью. Исторія не разрѣшитъ тѣхъ жгучихъ этическихъ проблемъ, которыя встаютъ передъ современнымъ человѣкомъ; онъ пріемлетъ историческіе прогнозы и рецепты, поскольку онъ мирится съ ними, поскольку можетъ ихъ вмѣстить. Но законъ, посягающій на его свободу, на право его абсолютнаго самоопредѣленія онъ отвергнетъ.

Всѣ тѣ, которые съ такимъ жаромъ отстаиваютъ законы исторической необходимости, которые готовы принести имъ въ жертву человѣческую иниціативу и свободное творчество, которые упрекаютъ въ ненаучности или неправильности методологическихъ пріемовъ всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ вырваться изъ соціальнаго кошмара неуказанными путями, совершаютъ сами крупнѣйшій методологическій промахъ. Указывая на обязательность этаповъ, пройденныхъ другими странами, пережившими ранѣе тѣ общественныя формы, которыя не знаетъ болѣе молодая страна[1]), они забываютъ объ

---

[1]) „Марксисты, — замѣчаетъ, напримѣръ, Масарикъ, — понимаютъ законъ развитія Маркса, какъ общій. Такъ, Лафаргъ говоритъ: „весь способъ производства развивается по присущему ему закону движенія; въ какой бы части земного шара оно ни

этапахъ, пройденныхъ человѣческой личностью. Признавая, что и человѣческая психика реагируя на окружающія явленія, обусловливаетъ ихъ и сознательно опредѣляетъ, они все же не считаются съ измѣненіями, происходящими во времени въ человѣческой природѣ, человѣческой психикѣ, въ способности ея реагировать на окружающія явленія[1]).

происходило, при чемъ онъ не измѣняется и не уклоняется отъ дѣйствія климата, расы и историческаго прошлаго". Такое абсолютное представленіе противорѣчитъ тому, что Марксъ говоритъ въ третьей части о „видоизмѣняющихъ причинахъ".

„Если Марксъ, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ Масарикъ, — въ послѣсловіи первой части „Капитала" принимаетъ объясненіе своего русскаго критика, что методъ Маркса характеризуется тѣмъ, „что онъ не признаетъ общихъ или абстрактныхъ законовъ"... то съ другой стороны Марксъ и Энгельсъ учатъ, что „классовая борьба есть движущая сила исторіи съ начала аѳинскаго государства и до нашего времени", Энгельсъ видитъ въ классовой борьбѣ „высшій законъ движенія исторіи"; наконецъ, отвѣчая на вопросъ „что такое отрицаніе отрицанія?" Энгельсъ отвѣчаетъ: „это до крайности общій и по тому самому чрезвычайно широко дѣйствующій и важный законъ развитія природы, исторіи и мышленія". См. Масарикъ, о. с. часть II, глава объ „Историческихъ законахъ и теоріи развитія". См. также небольшой, но чрезвычайно содержательный очеркъ Ю. Делевскаго Историческій матеріализмъ въ его логической аргументаціи. С.-Пб. 1906 г.

[1]) Ученіе Бокля о прогрессѣ только естественныхъ условій и постоянствѣ человѣческихъ способностей и человѣческой морали послѣ работъ Дарвина можетъ считаться оставленнымъ.

Они жадно слѣдятъ за малѣйшими измѣненіями въ соціальной структурѣ и остаются равнодушными къ измѣненіямъ въ человѣческой волѣ и психикѣ. Уже Марксъ указалъ, что „человѣкъ, дѣйствуя на внѣшнюю природу, измѣняетъ свою собственную". Но это глубокое замѣчаніе было совершенно забыто въ разработкѣ доктрины историческаго матеріализма. Въ наукѣ и жизни начало господствовать воззрѣніе, что личность, безпомощная вначалѣ, останется таковой навсегда, что она вѣчно будетъ пассивно ждать наступленія и прохожденія той эволюціи, которую ранѣе переживали другія народности, что психика не можетъ перерости той конкретной общественной среды, которой она принадлежитъ.

Но сознательное или безсознательное игнорированіе успѣховъ человѣческой природы есть несомнѣнный ре-

---

„Въ историческихъ общественныхъ формахъ удержалось наиболѣе цѣлесообразное или, главнымъ образомъ, удержалось таковое, тогда какъ менѣе цѣлесообразное погибло. Поэтому человѣческія способности не могли оставаться неизмѣнными... Человѣческій умъ обладаетъ, въ настоящее время, такими способностями, которыми не обладалъ культурный человѣкъ прежняго времени и которыми не можетъ обладать современный готтентотъ, если бы даже онъ и получилъ воспитаніе въ Европѣ. Развивается самъ человѣческій мозгъ". „Могутъ ли эскимосы, — спрашиваетъ А. Фулье, — иначе, какъ въ теченіе многихъ вѣковъ, пріобрѣсти громадную усвоивающую способность нашихъ арійскихъ мозговъ?..." См. Л. Штейнъ. Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія. М. 1899 г., стран. 37—40.

зультатъ полнаго неуваженія къ историческому опыту. Ростъ личности, съ точки зрѣнія историческаго процесса, т.-е. взаимодѣйствія между личностью, обществомъ и матеріальной средой — есть фактъ громадной соціологической важности, и тѣ, которые дорожатъ законами исторической необходимости, должны были бы озаботиться приведеніемъ въ соотвѣтствіе успѣховъ матеріальной культуры съ интеллектуальными и моральными успѣхами личности.

Личность живетъ не для историческихъ законовъ, и ихъ фетишизмъ обязателенъ лишь для первичныхъ стадій человѣческаго развитія; соціальный прогрессъ съ каждымъ днемъ расширяетъ возможности сознательнаго самоопредѣленія личности въ стихійномъ до этого общественномъ процессѣ.

Поэтому и боевая формула историческаго матеріализма объ опредѣленіи „сознанія“ „общественнымъ бытіемъ“, и признаніе только „классовой“ морали, и игнорированіе личности, какъ „соціологически ничтожной величины“, характерны и цѣнны лишь для опредѣленныхъ ступеней человѣческаго общества, на которыхъ сознаніе личности не вырастаетъ еще въ активную творческую силу и гдѣ, слѣдовательно, этическія проблемы не могутъ быть поставлены на самостоятельную почву[1]). Конечно, въ теченіе долгихъ вѣковъ, личность

[1]) Я совершенно оставляю въ сторонѣ вопросъ объ объективной цѣнности доктрины историческаго матеріализма, поскольку она сама является продуктомъ лишь опредѣленныхъ производ-

была совершенно подавлена окружающими стихійными условіями и цѣликомъ опредѣлялась ими; никто не станетъ оспаривать, что всѣ общественныя перемѣны „на-

---

ственныхъ отношеній. Порожденная извѣстными нормами „общественнаго бытія“, она пріобрѣтаетъ лишь временное, относительное значеніе и не можетъ, конечно, претендовать на роль вѣчнаго глашатая истины. Приписывая только себѣ одной позитивное значеніе, доктрина становится такъ же утопистична, какъ и тѣ субъективныя системы, съ которыми она побѣдоносно сражается.

Я не рѣшаю здѣсь вопроса и объ обратномъ воздѣйствіи „философіи“ на „экономію“ въ историческомъ прошломъ, какъ онъ поставленъ, напр., у Барта или другихъ критиковъ экономическаго матеріализма и о роли вообще всѣхъ „неэкономическихъ факторовъ“, какъ объ этомъ писалъ самъ Энгельсъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ въ „Der Sozialistische Akademiker“. Унтерманъ — этотъ столь благосклонный критикъ историческаго матеріализма, въ своей работѣ объ „Антоніо Лабріола и Іосифѣ Дицгенѣ“ замѣчаетъ, что у Маркса и Энгельса, такъ же, какъ у ихъ преемниковъ „чаще всего ошибка обнаруживалась въ недооцѣнкѣ вліянія развитія мышленія на соціальную эволюцію“ (Э. Унтерманъ. Антоніо, Лабріола и Іосифъ Дицгенъ. Опытъ сравненія историческаго и монистическаго матеріализма. Изд. Дауге. С.-Пб. 1907 г., стран. 26). Припомнимъ, кстати, слова и самого Маркса: „...движеніе эманципаціи, — писалъ онъ однажды, — имѣетъ головою философію, сердцемъ — пролетаріатъ. Идеалъ философіи не можетъ осуществиться безъ поднятія пролетаріата, пролетаріатъ не можетъ подняться безъ осуществленія философскаго идеала. Но когда всѣ внутреннія условія этого момента будутъ, наконецъ, налицо, мы услышимъ, какъ пѣніе галльскаго пѣтуха возвѣститъ возрожденіе Германіи“. Цит. по Э. Вандервельду. Идеализмъ въ марксизмѣ. Одесса 1905 г., стран. 35. Наконецъ,

ходятся въ зависимости отъ глубокихъ причинъ, коренящихся въ принципіальныхъ основахъ коллективной

я не оспариваю здѣсь и Энгельсовскаго „прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы“, возможнаго, по мнѣнію Энгельса, лишь по достиженіи соціалистической конструкціи общества. Но и „соціальный фатализмъ“ марксизма можетъ имѣть не болѣе, чѣмъ „sua fata“. „Устраняемая Марксомъ, но ревниво охраняющая свою индивидуальность, личность, — замѣчаетъ Л. Штейнъ, — составляетъ рѣшительный аргументъ противъ соціальнаго детерминизма Маркса, лишеннаго всякаго эстетическаго очарованія и этическаго достоинства“. Л. Штейнъ, о. с., стран. 375. Ср. также его соображенія о роли личности въ историческомъ процессѣ, стран. 471—488. „Представленіе о мертвой исторической закономѣрности, — пишетъ Булгаковъ, — способно убить всякую энергію и всякій нравственный энтузіазмъ, ибо оставляетъ въ полной неизвѣстности, отдаетъ на волю абсолютной случайности конечный исходъ нашихъ личныхъ намѣреній“. См. Булгаковъ, о. с., стран. 35—36. Болѣе правильными и глубокими, чѣмъ замѣчанія эклектическаго философа Штейна или Булгакова, представляются намъ слова одного изъ новѣйшихъ критиковъ марксизма Августа Коппеля, который называетъ марксизмъ не „антиэтической“, но „аморальной“ системой. „...Marx hat... unstreitig, — пишетъ онъ, — eine günstige Position: Er darf sich (und muss es) jenseits aller ethischen Argumentationen stellen und hat doch den Vorteil für sich, mit seinem „naturgesetzlichen“ System an die sittlichen Instinkte zu appelieren...“ Das System will also nicht etwa anti-ethisch, sondern amoralisch sein: Das sittliche als Faktor ist eliminiert“. См. August Koppel. „Für und wider Karl Marx“ изъ „Volkswirthschaftliche Abhandlungen der Badischen Hochschulen“, томъ VIII, тетр. I. Карльсруэ 1905 г., стран. 108.

жизни[1]). Но именно тысячелѣтній ходъ развитія человѣчества приблизилъ моментъ, когда „принципіальныя основанія коллективной жизни“ начинаютъ устрояться сознательно выросшей личностью.

По мѣрѣ восхожденія на высшія ступени, человѣкъ начинаетъ самъ ковать свое „общественное бытіе“. „Древняя философія права, — пишетъ Тённисъ, — старалась разрѣшить задачу, составляетъ ли право естественный или искусственный продуктъ. Отвѣтъ современной теоріи таковъ: все, что исходитъ изъ человѣческой воли, имѣетъ, одновременно, и естественный и искусственный характеръ. Но въ процессѣ историческаго развитія, элементъ искусственный возрастаетъ на счетъ естественнаго элемента, по мѣрѣ того, какъ специфически человѣческая сознательная сила воли возрастаетъ по своему значенію и своей роли, пока она, наконецъ, не достигаетъ относительнаго освобожденія отъ своей природной основы и не становится въ противорѣчіе съ послѣдней“[2]).

Этого вѣчнаго движенія личности впередъ, этого неуклоннаго расширенія ея правъ, роста ея вліянія — не хотятъ видѣть тѣ, которые ссылаются на „историческіе“ или „естественно-необходимые“ законы, слагающіеся,

---

[1]) Л. Кульчицкій. Анархизмъ въ современномъ соціально-политическомъ движеніи въ Россіи. С.-Пб. 1907 г., стран. 84—85.

[2]) Tönnies. Gemeinschaft und Gesellschaft. Цитирую по книгѣ Туганъ-Барановскаго Теоретическія основы марксизма. 1905 г., стран. 69.

якобы, исключительно внѣ личности и независимо отъ ея вліянія. Они приберегаютъ лишь для себя и для практическихъ мѣропріятій „реальныхъ политиковъ“ монополію соотвѣтствія моменту.

Но мы признаемъ, что съ свободой личности, съ ея самоутвержденіемъ, какъ общимъ выраженіемъ революціонаризма, независимо отъ того, является ли оно единичнымъ революціоннымъ актомъ или взрывомъ коллективной воли, растетъ эманципація отъ внѣшней „необходимости“, формулы историческаго фатализма уступаютъ мѣсто формуламъ свободнаго творчества, „необходимость“ исчезаетъ; рождается „свобода“ [1]).

Но и всѣ тѣ, кто желаетъ остаться на строго исторической почвѣ, могутъ ли они оспаривать, что и революціонный методъ и революціонное творчество являются такимъ же законнымъ дѣтищемъ историческаго процесса,

---

[1]) Разумѣется, мы имѣемъ въ виду соціальную, а не біологическую „необходимость“. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ І. Дицгена, что „свѣтъ познанія дѣлаетъ человѣка господиномъ природы. Съ его помощью онъ лѣтомъ создаетъ зимній ледъ, а зимою лѣтніе плоды и цвѣты. Но всегда это господство остается ограниченнымъ. Все, что можно, можно только съ помощью естественныхъ силъ и матеріаловъ“. Далѣе Дицгенъ иронизируетъ надъ „ребячески настроенными учеными“, которые желали бы „неограниченно познавать“. І. Дицгенъ, о. с., стран. 108. Такимъ образомъ, и „пролетарская философія“ не остается чуждой „ignoramus“, которое такъ жестоко осуждаетъ А. Паннекоекъ въ предисловіи къ книгѣ Дицгена. См. выше примѣчаніе на стран. 43.

какъ и самая обдуманная и трезвая соціально-политическая реформа?

Революціонный методъ есть методъ выросшей личности, а личность складывается и растетъ на общеисторическомъ фонѣ. Историческій прогрессъ есть въ то же время прогрессъ личности; сама исторія въ своемъ поступательномъ движеніи все чаще и чаще вооружаетъ революціоннымъ методомъ прогрессирующую личность.

Каждая революція, такимъ образомъ, естественно проходитъ свой періодъ долгой и сложной исторической подготовки; она всегда вырывается, какъ протестъ противъ формъ, ставшихъ невыносимыми уже давно.

И революція и реформа, слѣдовательно, имѣютъ одинаковое историческое происхожденіе[1]).

Въ крупнѣйшемъ своемъ сочиненіи, посвященномъ анархизму, „Эволюція, революція и анархистическій идеалъ“, Реклю стремится показать общность происхожденія мирнаго органическаго метода и революціи.

„Эволюція и революція, — полагаетъ онъ, — представляютъ изъ себя два послѣдовательныхъ акта одного и того же явленія; эволюція предшествуетъ революціи, послѣдняя открываетъ новую эволюцію, въ свою оче-

[1]) Еще и въ настоящее время французскіе историки и государственники занимаются вопросомъ, возможно ли было предупредить Великую Революцію реформой. Нѣкоторые профессора, какъ, напр., Эсменъ, посвящаютъ рѣшенію этого вопроса спеціальные университетскіе курсы.

редь рождающую будущія революціи... Если революція и идетъ всегда запаздывая за эволюціей, то причина лежитъ въ сопротивленіи среды“ [1]).

Останавливаясь на вопросѣ, почему же до сихъ поръ ни одна революція не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ — Реклю объясняетъ это тѣмъ, что до настоящаго времени не было вполнѣ сознательныхъ революцій, но будущее гарантировано отъ случайностей, потому что историческій процессъ становится все болѣе сознательнымъ и разумнымъ [2]).

Этими соображеніями рѣшается вопросъ и о цѣлесообразности революціоннаго метода.

Каждый крупный шагъ соціально-политическаго творчества былъ всегда отмѣченъ кровью; никогда и нигдѣ никакія соціально-политическія завоеванія не давались даромъ; новые идеалы всегда проводились въ жизнь страстной неумолимой борьбой.

Органическая работа съ ея медленной подготовкой общественнаго переустройства, съ ея отказомъ отъ рѣшительныхъ средствъ, есть болѣе мучительный и цѣлесообразный типъ соціально-политическаго творчества. Мучительный потому, что долгіе годы мирится онъ съ тысячу разъ горшими страданіями и насиліями, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ боится, отказываясь отъ рѣши-

---

[1]) Elisée Reclus L'évolution, la révolution et l'idéal anarchique. 2 éd. Paris. 1868 г., стран. 15—16.

[2]) El. Reclus, о. с., стран. 44—57.

тельнаго переворота[1]). Менѣе цѣлесообразный потому, что одинъ онъ безсиленъ, чтобы вырвать желаемое изъ рукъ захватившихъ и создать новое на обломкахъ стараго[2]). „Реформы, реформы, — восклицаетъ Гравъ, — когда же, наконецъ, люди поймутъ, что они употре-

---

[1]) „...величайшими періодами исторіи народовъ, — писалъ Э. Реклю въ своемъ небольшомъ этюдѣ „Анархія", — были тѣ, въ которыхъ люди, волнуемые революціями, наименьше подвергались продолжительному и тяжелому гнету правильно установленнаго правительства". Изд. „Мысль". С.-Пб. 1906 г., стран. 11. Въ частности у насъ въ нашей русской революціи „все, чѣмъ мы пользовались, хотя бы временно по части свободъ, и остатками чего пользуемся сейчасъ — свобода слова, собраній, союзовъ, — осуществлялось не иначе, какъ захватнымъ путемъ". См. Л. Тахоцкій. Господинъ Петръ Струве въ политикѣ. С.-Пб. 1906 г., стран. 61.

[2]) Въ этомъ смыслѣ намъ представляется чрезвычайно мѣткой характеристика Бердяева конституціонно-демократической партіи: „Это порода людей, имѣющая вкусъ къ мирной парламентской дѣятельности, но неспособная къ творческой работѣ національнаго перерожденія... Не нужно быть сторонникомъ экономическаго матеріализма, чтобы увидѣть буржуазность психологіи конституціоналистовъ-демократовъ". Возраженія противъ этой характеристики проф. Гревса — крайне неубѣдительны. Намъ представляется также, что едва ли вѣрно проф. Гревсъ толкуетъ слова критика „буржуазность психологіи". См. Ив. Гревсъ. Идейная борьба и созидательная работа въ Революціи. „Полярная Звѣзда". 1906 г., № 12, стран. 57—58. См. также любопытный матеріалъ для характеристики „конституціонно-демократической души" въ памфлетѣ Тахоцкаго, о. с., стран. 29, 70—72.

бляютъ на достиженіе ихъ свои лучшія силы, никогда ничего не достигая, что пора уже имъ перестать бороться за эти утопіи — гораздо болѣе опасныя, чѣмъ мысль о полномъ освобожденіи, потому что единственный упрекъ, который можно сдѣлать послѣдней — упрекъ въ неосуществимости — ни на чемъ не основывается, потому что такой попытки никогда еще не было сдѣлано, тогда какъ, чтобы убѣдиться въ безполезности любой реформы, стоитъ только посмотрѣть на ея осуществленіе на практикѣ“[1]).

„Мы — революціонеры, — говорилъ Э. Реклю на Фрейбургскомъ конгрессѣ 1878 г., — потому что мы ищемъ правосудія. Никогда успѣхъ еще не былъ достигнутъ путемъ простого органическаго развитія; онъ всегда требовалъ внезапной революціи“.

Буквально то же самое говоритъ и другой выдающійся представитель коммунистическаго анархизма — Кропоткинъ. „Приверженцы представительнаго правительства — пишетъ онъ въ „Рѣчахъ Бунтовщика“, — постоянно указываютъ намъ на свободу и права англійскаго народа и приписываютъ ихъ парламентаризму. Они забываютъ, какимъ рядомъ мятежей и возстаній эти права были за-

---

[1]) Ж. Гравъ. Умирающее общество и анархія. Москва 1906 г., стран. 156—157. „Если вы относитесь къ дѣлу искренно, — пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — не теряйте же времени на согласованіе непримиримыхъ интересовъ, не старайтесь объ улучшеніи положенія, которое ничего хорошаго дать не можетъ; уничтожьте лучше общественный паразитизмъ“. Ibidem, стран. 149.

воеваны. Свобода печати, свобода союзовъ, свобода собраній — все это было вырвано у парламента подъ угрозой возстанія. Трэдъ-юніонами, стачками противъ парламентскихъ постановленій и разгромомъ фабрикъ, англійскіе рабочіе завоевали себѣ право союзовъ и стачекъ. Избивая полицію балясниками рѣшетки Hyde-Park'a, лондонскій народъ принудилъ конституціонное министерство дать ему право манифестацій на улицахъ и въ паркахъ столицы... Приписывать парламентамъ то, что сдѣлано человѣчествомъ, надѣяться, что конституція можетъ дать свободу — это грѣшить противъ исторической правды[1]).

„Люди смѣлые и неподкупные, — пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — которые не довольствуются одними словами, не примиряются съ разладомъ между словомъ и дѣломъ, предпочитаютъ тюрьму, ссылку и смерть — жизни противорѣчащей ихъ принципамъ, люди, говорящіе — „надо смѣть, чтобы побѣдить", — вотъ тѣ одинокіе „передовые", которые начинаютъ битву гораздо раньше, чѣмъ массы достаточно возбуждены, чтобъ открыто поднять знамя возстанія и итти съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать свои права.

„Среди жалобъ, разговоровъ и теоретическихъ споровъ вырывается вдругъ какой-нибудь поступокъ, вызванный крайнимъ возмущеніемъ, — поступокъ индиви-

---

[1]) П. А. Кропоткинъ. Рѣчи Бунтовщика. С.-Пб. 1906 г., изд. „Освобожденной Мысли", стран. 89—90.

дуальный или коллективный, который служитъ яркимъ показателемъ господствующихъ стремленій. Возможно, что вначалѣ массы относятся къ нему безразлично. Преклоняясь передъ смѣлостью отдѣльныхъ лицъ или цѣлой группы, они прислушиваются къ рѣчамъ благоразумныхъ и осторожныхъ людей, которые спѣшатъ объявить этотъ поступокъ „безумiемъ“ и сказать, что „горячія головы, безумцы, погубятъ все дѣло“. Они разсчитали, эти благоразумные и осторожные люди, что ихъ партія, спокойно продолжая свою работу, черезъ сто, двѣсти, можетъ-быть, триста лѣтъ, завоюетъ весь міръ, — и вдругъ врывается что-то неожиданное: неожиданное, т.-е. то, чего не ожидали они, эти благоразумные и осторожные“[1]).

---

[1]) П. Кропоткинъ. Ibidem, стран. 146. См. также дальнѣйшія замѣчанія Кропоткина о подготовкѣ революціонаризма среды, стран. 147—148. „Меньшинство, — пишетъ Домела Ньювенгуисъ, — было всегда въ исторіи въ нѣкоторомъ родѣ „двигательной силой“, и, если мы должны были бы ждать, когда мы дойдемъ отъ 20 до 60, или 80% — намъ долго пришлось бы ждать“... Domela Nieuwenhuis. Le socialisme en danger. Paris 1897 г., стран. 29. Чрезвычайно умѣренный и осторожный анархистъ Ж. Гравъ пишетъ: „...Мы одобряемъ... человѣка, который, будучи поставленъ нашей общественной организаціей въ невозможность жить, открыто и силой захватываетъ то, что ему нужно, громко провозглашая свое право на существованіе...“ Ж. Гравъ. Умирающее общество и анархія. М. 1906 г., стран. 133. „Прогрессъ, — пишетъ наконецъ, революціонный синдикалистъ Пуже, — какъ доказываетъ все историческое прошлое, былъ слѣдствіемъ революціоннаго

Это „дерзновеніе“ „одинокихъ передовыхъ“, это „неожиданное“ — вовсе не является „безразсуднымъ романтизмомъ“, какъ любятъ его крестить „реальные“ критики. Оно имѣетъ подъ собой, какъ мы уже видѣли, гораздо болѣе глубокія „реалистическія“ основанія, чѣмъ это кажется панегиристамъ холодной систематической работы, основывающейся, якобы, на глубокомъ пониманіи „исторической необходимости“[1]).

Можно ли оспаривать „реализмъ“ французскаго революціоннаго синдикализма, этой новой, но уже мощной формы рабочаго движенія, — синдикализма, вся дѣятельность котораго — сплошной протестъ противъ торгашеской тины постепеновскихъ партій[2])? Или недостаточно

меньшинства“. Эмиль Пуже. „Основы синдикализма“ въ сборникѣ „Черное Знамя“ С.-Пб. 1906 г., стран. 266.

[1]) „Какъ согласовать,— спрашиваетъ Зомбартъ,— требованіе насильственныхъ революціи съ вѣрой въ естественную закономѣрность будущаго общественнаго строя, а вмѣстѣ съ этимъ въ его превосходство, само собой очевидное всѣмъ просвѣщеннымъ умамъ и долженствующее побудить ихъ къ добровольному его принятію?“ Отчасти этотъ взглядъ объясняется проникновеніемъ реалистическаго духа въ старый идеалистическій соціализмъ. В. Зомбартъ. Соціализмъ и соціальное движеніе. Переводъ съ 5-го изд. М. 1906 г., стран. 48.

[2]) „Революціонная концепція,—писалъ Лагардель,—покоится на томъ принципѣ, что въ рабочемъ мірѣ, въ противоположность тому, что происходитъ въ политическомъ, принимается во вниманіе не число, а сознательность; качество, а не количество. Этотъ принципъ, столь выгодно отличающій рабочій міръ отъ

реальны для „реалистовъ“ тѣ 350.000 французскихъ рабочихъ, которые примкнули къ революціонному движенію[1])? Кажутся ли „реалистамъ“ мечтой тѣ 100 биржъ труда, которыя примкнули къ парижской федераціи профессіональныхъ союзовъ?

А между тѣмъ, вся тактика революціонныхъ синдикалистовъ — развѣ это не самый безшабашный „романтизмъ“, не самое „безразсудное дерзновеніе“ — попытка установить „прямымъ воздѣйствіемъ“ 8-часовой рабочій день, уничтоженіе частныхъ бюро для найма труда и т. д.?

А развѣ не революціонный романтизмъ „всеобщая стачка“? Между тѣмъ, самая реалистичная изъ всѣхъ соціалистическихъ партій, долгое время отвергавшая самую идею всеобщей стачки, считавшая ее „безумiемъ“ и „химерой“, подъ вліяніемъ уроковъ русской революціи признала на Іенскомъ конгрессѣ 1905 г., что „однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы для отраженія подобныхъ политическихъ пре-

---

политическаго, примѣнялся до сихъ поръ, какъ во внѣшнихъ сношеніяхъ между организаціями, такъ и внутри организацій. Не численная сила должна брать верхъ, но степень сознательности“. Г. Лагардель. Революціонный синдикализмъ. С.-Пб. 1906 г., стран. 98.

[1]) „Въ настоящее время, — пишетъ Лагардель, — если вѣрить официальной статистикѣ, конфедерація включаетъ въ себя 350.000 членовъ изъ 780.000 синдикованныхъ рабочихъ Франціи. Это составляетъ почти половину всего организованнаго пролетаріата“. См. Г. Лагардель, о. с., стран. 95, прим. 1.

ступленій (покушеніе на всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право или право коалицій) противъ рабочаго класса или для завоеванія важныхъ основныхъ правъ въ цѣляхъ его освобожденія является, въ подходящихъ случаяхъ, широкое распространеніе массоваго прекращенія работы“[1]).

Мангеймскій партейтагъ 1906 г. подавляющимъ большинствомъ 323 голосовъ противъ 62 въ первомъ абзацѣ резолюціи Бебеля подтвердилъ постановленіе Іенскаго партейтага о политической массовой стачкѣ и призналъ, что, „какъ только правленіе партіи признаетъ наличность необходимости въ политической массовой стачкѣ, оно должно войти въ сношенія съ генеральной комиссіей

---

[1]) См. резолюцію Іенскаго партейтага въ „Мангеймскомъ партейтагѣ Германской соціалъ-демократіи“. Докладъ и пренія о массовой стачкѣ. С.-Пб. 1907 г., изд. „Интернаціоналъ“, стран. 111.

[2]) Ibidem, стран. 110. Любопытно отмѣтить, что резолюція Мангеймскаго партейтага въ первомъ же абзацѣ не усматриваетъ никакого противорѣчія между постановленіемъ Кёльнскаго конгресса профессіональныхъ союзовъ 1905 г., не считавшаго нужнымъ „даже обсуждать идею всеобщей стачки, которую защищаютъ анархисты и люди, лишенные всякаго опыта въ области экономической борьбы“, и Іенскимъ постановленіемъ. Роза Люксембургъ въ блестящей рѣчи на томъ же партейтагѣ превосходно отмѣтила, наоборотъ, бьющее въ глаза противорѣчіе. См. о. с., стран. 72. Необходимо имѣть въ виду, что соціалъ-демократія, примирившись съ всеобщей политической стачкой, продолжаетъ метать громы противъ всеобщей экономической стачки французскаго революціоннаго синдикализма, о которой она до сихъ поръ имѣетъ самыя наивныя представленія.

профессіональныхъ союзовъ и принять всѣ мѣры для успѣшнаго проведенія этого дѣйствія“[2]).

Неужели же и Іенскій и Мангеймскій партейтагъ съ ихъ столь трезвыми дебатами, столь осторожными резолюціями — все это лишь пылкія мечты „революціонныхъ романтиковъ“, а не реальная дѣйствительность?

Возьмите другой примѣръ!

Въ литературѣ современнаго ортодоксальнаго марксизма, особенно въ его полемикѣ съ бернштейніанцами и новѣйшими критицистами, „теорія саморазрушенія“ капиталистическаго общества или принципы „экономическаго самоотрицанія“ въ послѣднее время все болѣе и болѣе утрачиваетъ значеніе одной изъ центральныхъ руководящихъ идей. Она становится на задній планъ, принимается за деталь. Современная соціалъ-демократія все болѣе и болѣе важное мѣсто отводитъ моменту классовой борьбы, утверждая, что она можетъ сдѣлать все раньше, чѣмъ разложится буржуазный строй въ силу хронической дезорганизаціи промышленности.

Такимъ образомъ, ортодоксальный марксизмъ въ своей настоящей соціально-философской концепціи на первое мѣсто выдвигаетъ факторъ субъективный — классовое самосознаніе ,классовую волю, отдавая идейному фактору сознанія рѣшительное предпочтеніе передъ факторомъ объективнымъ, т.-е. безсознательнымъ, стихійнымъ экономическимъ процессомъ, слагавшимся внѣ воли людей. Идея экономическаго самоотрицанія уступаетъ мѣсто идеѣ соціальнаго самоотрицанія. Это блестяще форму-

лируетъ самъ Куатскій, полемизируя съ Бернштейномъ и Вольтманомъ „Теорія саморазрушенія, — писалъ онъ въ Анти Бернштейнѣ, видитъ — въ капиталистической формѣ производства факторъ, толкающій пролетаріатъ на борьбу съ капиталистическимъ классомъ, — факторъ, вызывающій его численный ростъ, обособленіе, интеллигетность, самосознаніе, политическую зрѣлость, постоянно подымающій его экономическое значеніе и совершенствующій его организацію, какъ политической партіи, — факторъ, наконецъ, дѣлающій неизбѣжной побѣду пролетаріата и, какъ результатъ ея, возникновеніе коллективизма“[1]).

Ясно, что и изученіе реальныхъ условій жизни все рѣзче подчеркиваетъ защищаемую нами мысль, что сознательное творчество сильнѣе всякихъ стихійныхъ „противорѣчій“ и „самоотрицаній“ хозяйственнаго строя[2]). Но въ то время, какъ одни все еще хотятъ видѣть

---

[1]) K. Kautsky. Bernstein und das socialdemokratische Programm. Stuttgart 1899, стран. 48.

[2]) Разсматривая „катастрофу“ съ современной соціалистической точки зрѣнія, французскій соціалистъ Бертъ пишетъ: „la catastrophe n'est plus... un effet mécanique de la fatalité capitaliste, faisant au monde ouvrier cadeau de la Révolution; mais c'est l'acte souverainement libre d'une classe ouvrière fortement organisée et parfaitement consciente... Il y a ainsi transposition de l'idée révolutionnaire de la fatalité capitaliste à la liberté ouvrière“... См. Edouard Berth. „Révolution Sociale ou Evolution juridique?“ „Le Mouvement Socialiste 1904, № 143, стран. 121—122.

въ сознаніи лишь продуктъ опредѣленныхъ общественныхъ условій и съ фаталистическимъ смиреніемъ ждутъ ихъ измѣненій, другіе только въ ростѣ человѣческаго самосознанія видятъ свободно творящую силу, на него только возлагаютъ всѣ свои надежды по переустройству современнаго общества. Для первыхъ остается политика выжиданій, политика „реальныхъ учетовъ“ — для вторыхъ открывается путь искренняго революціоннаго творчества.

Прогрессъ исторіи — есть прогрессъ личности; прогрессъ личности — прогрессъ революціоннаго метода.

Раскрѣпощеніе человѣческой личности знаменуется переходомъ ея къ методу „прямого воздѣйствія“, революціонному методу, немедленному утвержденію въ жизни одушевляющихъ ее идеаловъ. Революціонный методъ становится единственно возможной, единственно нравственной формой человѣческой дѣятельности!

А. БОРОВОЙ.

...Wenn wir also geschlagen sind, so haben wir nichts Anderes zu thun, als wieder von vorne anzufangen...
...Der öffentliche Kredit und der Privatkredit sind der ökonomische Thermometer, woran man die Intensität einer Revolution messen kann. In demselben Grade, worin sie fallen, steigt die Gluth und die Zeugungskraft der Revolution[1])....

K. Marx.

IV.

Въ предыдущихъ главахъ мы начертали наше credo. Мы признали революціонный методъ единственно нравственнымъ; мы признали его наиболѣе цѣлесообразнымъ, наиболѣе отвѣчающимъ запросамъ современной личности.

Попробуемъ примѣнить, выражаясь словами Милля, наши „основанія“ къ русской „общественной философіи“.

Соціально-политическое развитіе Россіи совершается въ исключительныхъ условіяхъ, она вступаетъ на путь

---

[1]) Средній курсъ 4% государственной ренты: январь 1905—89, апрѣль 1905—83½, іюль 1905—85½ (max. 23 августа—90), октябрь 1905—86, декабрь 1905—75½. Колебанія курса 5% внутренняго займа 1-го выпуска 1905 г. слѣдуютъ за рентой.

болѣе или менѣе сознательнаго соціально-политическаго творчества значительно позже всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ.

Этимъ обусловливается не только ея отсталость въ прошломъ, но, какъ полагаютъ историки, предопредѣляется и ея отсталость въ будущемъ.

Многія изъ соціально-политическихъ формъ, которыя прошелъ уже Западъ, должны рисоваться Россіи лишь въ туманныхъ перспективахъ, многія изъ нихъ должны быть еще пережиты Россіей въ силу неумолчной логики историческихъ законовъ.

Этотъ историческій фатализмъ, это глубокое преклоненіе передъ стихійно складывающейся необходимостью являются источникомъ глубокой душевной драмы, представляющей печальную привилегію русскихъ прогрессивныхъ элементовъ.

Русская психика растетъ и крѣпнетъ на опытахъ Запада; она болѣетъ его муками, она счастлива его радостями. Быть можетъ, творческій процессъ Запада вынашивается съ большей еще мучительностью русскимъ сердцемъ, чѣмъ сердцемъ западнаго человѣка, ибо первому приходится быть лишь пассивнымъ свидѣтелемъ трагедіи, въ которой другой является дѣйствующимъ лицомъ.

Размѣры историческаго событія вырастаютъ на разстояніи, и въ глазахъ далекаго свидѣтеля нерѣдко скромныя жизненныя детали какого-нибудь творческаго взрыва принимаютъ смыслъ и значеніе огромныхъ событій.

Россія была еще слишкомъ юна, когда Великая Французская Революція покоряла западно-европейскія сердца. Правда, энтузіазмъ и ужасъ, вызванные въ Европѣ вѣстью о взятіи Бастиліи, нашли отголосокъ и у насъ, но широкимъ кругамъ русскаго общества революція осталась чужда; вольтеріанство и философія энциклопедистовъ не могли сломить холопства въ „блестящій вѣкъ Екатерины". Болѣе глубокое знакомство съ Западомъ начинается уже съ эпохи наполеоновскихъ походовъ.

Но вся послѣдующая исторія: революція тридцатаго года, утопическіе соціалисты, министерство Гизо и Тьера, революція 48-го года, Лассаль и Марксъ, Интернаціоналъ, Коммуна—находили себѣ широкій откликъ въ сердцахъ русскаго человѣка, жадно рвавшагося къ свободѣ.

Русскій человѣкъ жилъ подъ крѣпкимъ ярмомъ неограниченнаго самодержавія, но въ душѣ онъ переживалъ экстазъ и надежды западнаго человѣка, это былъ процессъ истиннаго перевоплощенія: въ воображеніи его загорались и потухали тѣ же искры, что облегчали путь западно-европейскому творчеству. Не переживая ничего, онъ пережилъ очень много. Въ юности пріобрѣлъ онъ мудрость старца и въ этой ранней зрѣлости кроется источникъ его глубокихъ страданій.

Когда въ его странѣ наступаетъ великій моментъ политическаго творчества, когда, наконецъ, волею историческихъ судебъ и онъ призывается сказать свое слово, онъ испытываетъ чувство мучительнаго раздвоенія. Съ

одной стороны, книжная мудрость, „историческіе и политическіе законы“ говорятъ о благоразуміи, о необходимости трезваго отношенія къ дѣйствительности, объ учетѣ всѣхъ обстоятельствъ прошлыхъ и настоящихъ, съ другой — его, теоретически пережившаго уже опытъ Запада, манятъ къ себѣ болѣе далекія соблазнительныя перспективы, чѣмъ тѣ, которыя открываетъ ему благоразумная „реальная политика“. Послѣдняя твердитъ, что вѣчно ему суждено тащиться въ хвостѣ міровой культуры, довольствуясь тѣми мѣстными поправками, которыя предлагаютъ специфическія особенности его страны. И онъ не можетъ мириться съ этимъ сознаніемъ, его будетъ давить, какъ тяжкій кошмаръ, вторичное реальное переживаніе тѣхъ формъ, которыя онъ когда-то вынашивалъ въ сердцѣ вмѣстѣ съ Западомъ, которыя онъ когда-то любилъ, въ которыя когда-то вѣрилъ и которыя уже сердцемъ отвергъ. Можетъ ли свободный человѣкъ сознательно надѣть ярмо во имя мистической недоказуемой необходимости? Можетъ ли человѣкъ, рвущійся къ правдѣ, повторять затверженную ложь? Онъ отвергнетъ ее, хотя бы погибая.

„Гг., — говорилъ старый Карамазовъ, — у иного сердце, какъ у Александра Македонскаго, а у другого — какъ у собачки Фидельки“. Въ этихъ словахъ стараго развратника и шута звучитъ великая общечеловѣческая правда. Рожденные съ сердцемъ героя, съ сердцемъ революціонера всѣ тѣ, кто смѣло попираетъ условности и традиціи жизни, не станутъ распутывать узловъ;

имъ невмоготу эта работа, они разрубаютъ ихъ. Наоборотъ, кто въ сердцѣ носитъ робость, стыдъ и благоразуміе жизни, тѣ не смѣютъ и помыслить о гордой, смѣлой, быть можетъ, нерасчетливой борьбѣ. Распутывая жизненные узлы, погрязаютъ они въ тинѣ компромиссовъ и лжи.

Генезисъ революціонной души намъ ясенъ: она не можетъ вернуться къ прошлому, что бы объ этомъ ни говорила историческая необходимость. Можно много спорить о высшей правотѣ формулы: „Pereat mundus, fiat justitia"! Но тотъ, кто носитъ ее въ груди, ей поступиться не можетъ; для него существуютъ только два исхода — или смерть, или торжество той правды, въ которую онъ вѣритъ.

Въ переживаемой нынѣ русской революціи, рѣзко столкнулись обѣ психики — и революціонная и реальная, психика крайнихъ партій и психика либераловъ.

Мы переживаемъ годовщину того періода русской революціи, который наиболѣе потрясъ и взволновалъ русскія сердца, который вызвалъ наиболѣе страстное отношеніе къ себѣ и съ той и съ другой стороны.

Судъ надъ декабрьской недѣлей открылся скоро. Еще живы были всюду воспоминанія объ ужасныхъ дняхъ, еще утромъ 6-го января холостые выстрѣлы съ Тайницкой башни могли будить тревогу въ трепетныхъ сердцахъ москвичей, а либеральные публицисты въ качествѣ присяжныхъ историковъ уже принялись чинить судъ и расправу надъ московскими событіями.

Полились слова о „безразсудномъ дерзновеніи“, о „романтическомъ бунтарствѣ“, о „безсмысленности московскихъ событій“, о „безуміи стихіи и стихіи безумія“.

„...Стихія безумія охватила огромные слои интеллигенціи, — писалъ одинъ изъ крупнѣйшихъ вождей русской либеральной мысли, редакторъ „Полярной Звѣзды“, — науки были забыты, одна мнимая „наука революціи“, точно какое-то навожденіе, покорила себѣ умы невоспитанные, чуждые спасительной дисциплины жизни... Родились тѣ безумныя русскія „революціи“ „révolutions de Russie“, которыя грозятъ смыть и затопить великую русскую революцію для того, чтобы очистить мѣсто темнымъ и грязнымъ волнамъ реакціи... Есть только одно истинно революціонное дѣло—это достославная октябрьская забастовка и ея драгоцѣнное дѣтище, манифестъ 17-го октября[1]). Только это революція; все же

---

[1]) „Когда началась полоса хаотическихъ стачекъ, — писалъ г. Тахоцкій, — охватывавшихъ профессіи, города, порты, желѣзныя дороги, области, г. Струве, какъ проницательный политикъ, возсталъ противъ этой дезорганизаціи (курсивъ автора) національнаго хозяйства: въ безплодности этихъ стачекъ для него не было сомнѣнія.

„Разразилась всеобщая стачка въ октябрѣ, которая заставила реакцію взять подъ козырекъ предъ революціей. Когда г. Струве увидѣлъ бумагу (курсивъ автора), онъ немедленно призналъ октябрьскую стачку „славной“, а въ „Пол. Зв.“ даже „достославной“ (тоже)... Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, считалъ ли г. Струве октябрьскую стачку достославной, когда она начиналась (тоже)? И мы не знаемъ также, считалъ ли бы онъ ее

прочее — „революціи“, которыми дѣло революціи испорчено и подорвано“.

Въ вооруженномъ возстаніи г. Струве видѣлъ лишь однѣ „бутафорскія баррикады“[1]).

Въ слѣдующей статьѣ, посвященной московскимъ событіямъ и трактующей объ „ослѣпленіи однихъ, легкомысліи другихъ“[2]), идейный руководитель „Полярной Звѣзды“ помѣщаетъ, между прочимъ, длинное письмо корреспондента изъ Москвы, имя котораго осталось неизвѣстнымъ читателямъ журнала, но „вся жизнь ко-

---

достоставной, если бъ она непосредственно не привела къ манифесту 17-го октября?“ Тахоцкій, о. с., стран. 16—17.

[1]) П. Струве. „Два забастовочныхъ комитета“. „Пол. Зв.“ 1905 г., № 3, стран. 223—228. Небезынтересно сопоставить мнѣніе русскаго вождя либераловъ о „бутафорскомъ“ характерѣ московскихъ декабрьскихъ баррикадъ съ извѣстнымъ заявленіемъ Каутскаго въ Vorwärts'ѣ 28 января 1906 г., что московское декабрьское возстаніе требуетъ пересмотра утвержденія Энгельса о непригодности баррикадной борьбы для настоящаго времени. „Немыслима, быть можетъ, старая баррикадная техника — писалъ Каутскій, — но возможна новая, сообразующаяся съ современными усовершенствованіями“. Заявленіе Каутскаго послужило предметомъ нападокъ на него со стороны Давида на Мангеймскомъ партеітагѣ. Давидъ называлъ шутливо своего противника „революціоннымъ ревизіонистомъ“. См. „Мангеймскій партеітагъ“, стран. 71.

[2]) П. Струве. „О московскихъ событіяхъ“. „Пол. Зв.“ 1906 г., № 4, стран. 278—287.

тораго — по объясненію г. Струве — прошла и проходитъ въ служеніи русскому освобожденію".

Вотъ что писалъ московскій корреспондентъ: „Интеллигенція наша, включая въ ея составъ и революціонную интеллигенцію, ничего не сдѣлала, чтобы прекратить бойню въ самомъ началѣ, когда безсмысленность и безнадежность возстанія были ясны... Кто же дѣйствовалъ? Народныя массы, — эти дѣйствовали, дѣйствовали стихійно, безъ плана, ощупью. Вотъ почему событія приняли такіе размѣры и были такъ полны ужаса и дикости... Наша революція, — жаловался корреспондентъ, — идетъ стихійно, вразбродъ, скачками, поднося намъ одинъ за другимъ самые неожиданные сюрпризы. Трудно заглядывать въ будущее при такихъ условіяхъ и совершенно невозможно сказать, когда же и чѣмъ все это разрѣшится"...

Г. Струве, отвѣчая на мысли своего корреспондента о необходимости вмѣшательства „общества" въ революцію, замѣчаетъ: „Консервативная или умѣренная часть общества признавала неудобнымъ вмѣшаться въ то, что она считала „дѣломъ" правительства. Прогрессивная или радикальная часть общества считала неудобнымъ вмѣшаться въ то, что она считала „дѣломъ" „революціонеровъ".

Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя невольно бросаются въ глаза при сопоставленіи статей Струве и письма неизвѣстнаго корреспондента. Одинъ видитъ главное дѣйствующее лицо

„безумной“ декабрьской недѣли въ „революціонерахъ“, „нафанатизированныхъ рабочихъ“, „терроризированныхъ дворникахъ“, другой — въ „народныхъ массахъ“[1]). Одинъ упрекаетъ нашу интеллигенцію въ бездарности, другой — въ невоспитанности и робости, и тѣмъ не менѣе одинъ жалѣетъ, что „бездарная“ интеллигенція не вмѣшалась въ дѣло революціи, а другой въ конечномъ счетѣ возлагаетъ всѣ надежды на „пугливую и невоспитанную“ интеллигенцію.

Гораздо болѣе любопытны либеральные критики тогда, когда они говорятъ о стихійности и неожиданности „русскихъ революцій“, когда они жалуются на ихъ сюрпризы, застающіе врасплохъ людей, привыкшихъ жить и дѣйствовать по всѣмъ правиламъ науки. Какой

---

[1]) Въ настоящее время можно считать уже несомнѣнно установленнымъ фактомъ, что въ декабрьскомъ возстаніи активно и въ массѣ не выступалъ ни „революціонный пролетаріатъ“, ни „революціонный народъ“. Активный элементъ, вступавшій въ открытую борьбу съ войсками и полиціей, были боевыя дружины, подготовленныя къ этому всѣмъ ходомъ предшествующихъ событій. Массы населенія свое сочувствіе возстанію выражали, или воздвигая баррикады, или укрывая дружинниковъ и революціонеровъ отъ преслѣдованій войскъ. Несомнѣнно однако, что безъ этой, хотя бы пассивной, поддержки со стороны массъ населенія, возстаніе не могло длиться двухъ недѣль при полномъ несоотвѣтствіи силъ съ той и другой стороны. См. въ общемъ весьма удовлетворительную коллективную работу „Москва въ декабрѣ 1905 г.“ Однако, мы совершенно несогласны съ общей оцѣнкой декабрьскихъ дней, данной составителями.

иной революціи, а не стихійной, революціи „вразбродъ“ и „скачками“ желаетъ кореспондентъ „Полярной Звѣзды“?

Развѣ взятіе Бастиліи не было самымъ неожиданнымъ сюрпризомъ для архиреволюціонной интеллигенціи того времени? Развѣ казнь короля, гильотины монтаньяровъ, республиканскія свадьбы, бѣлый терроръ, не были „неожиданностями“ и „скачками“, изумлявшими и потрясавшими современниковъ грандіозной эпохи? Развѣ не былъ полной неожиданностью революціонный взрывъ 48-го года даже для такихъ мудрыхъ, безстрастныхъ и проникновенныхъ изслѣдователей, какимъ былъ Токвиль? Развѣ можетъ предсказать хоть кто-нибудь изъ нашихъ мудрецовъ о ближайшемъ будущемъ Россіи, хоть о приблизительномъ составѣ депутатовъ въ ея будущей палатѣ — второй Государственной Думѣ? Предвидѣли ли наши либералы тѣ бѣды, которыя стряслись надъ первой? Наконецъ, можно ли требовать единства отъ русской революціи, представляющей собой безпримѣрное явленіе въ міровой исторіи по разнообразію элементовъ, принявшихъ въ ней участіе? Въ ней смѣшались самыя разнообразныя надежды, самыя противоположныя упованія, самые различные идеалы. Нѣтъ класса, нѣтъ общественной группы, которая такъ или иначе не примыкала бы къ разрушительной и созидательной работѣ, охватившей всю Россію.

„То общее, что было и есть въ движеніи, — справедливо писалъ Пѣшехоновъ, — съ каждымъ днемъ все

болѣе и болѣе осложняется тѣмъ разнымъ, что стремятся внести участвующія въ немъ силы“[1]).

Революцію нельзя укладывать въ прокрустово ложе либеральныхъ программъ, предположеній и смѣтъ! Лишь тѣ могутъ жаловаться на неожиданности въ революціи, кто взялъ себѣ странную привилегію спасать Россію на основаніи имъ только извѣстныхъ научныхъ законовъ, которые самое право протеста и возмущенія монополизируютъ за благонадежными, мирными и разумными кружками, которые требуютъ воздержанія отъ всѣхъ непосвященныхъ, присваиваютъ только себѣ право отдѣлять козлищъ отъ овецъ, отличать революцію отъ „революцій“.

Съ торжественной важностью изрекаютъ они свои верховныя рѣшенія, забывая, что революціи дѣлаетъ не наука, а голодъ физическій или моральный. Если 17-е октября со всѣми его послѣдствіями успѣло насытить либеральныхъ публицистовъ, это еще не значитъ, что оно успѣло накормить другихъ голодныхъ, но объ этомъ и не безпокоятся самозванные монополисты революціи. Сытый голоднаго не разумѣетъ.

Напрасно упрекаютъ вожди либеральной мысли и нашу „политически-бездарную“, „политически-невоспитанную“, „робкую“ интеллигенцію, что она не приняла болѣе близкаго участія въ политической жизни и тѣмъ

---

[1]) Цитирую по брошюрѣ Свѣтлова „Задачи грядущаго“. 1906 г., стран. 5.

не предотвратила возможности нечаянныхъ событій, подобныхъ московской недѣлѣ. „Интеллигенція“ принимала участіе, какъ могла; она толпилась на либеральныхъ съѣздахъ, жадно слушая безконечныя академическія рѣчи на общеизвѣстныя темы, на съѣздахъ, положительная роль которыхъ сводилась, прежде всего, къ огражденію своего достоинства; она являлась на митинги, которыми кишѣла Москва послѣднихъ предъ возстаніемъ дней, она высказывала сочувствіе забастовкамъ и забастовщикамъ. Но если бы она и обладала даже достаточной политической проницательностью, достаточной моральной чуткостью, чтобъ предвидѣть, что сгущенная атмосфера, которой дышала Москва, должна разрядится взрывомъ „политическаго безумія“[1]), что могла бы она предпринять? Она пугливо ушла бы въ себя, геройствовала бы въ душѣ съ безумцами и терпѣливо бы ждала ихъ пораженія, чтобъ, высказавъ сочувствіе погибшимъ жертвамъ, напомнить всѣмъ о здра-

---

[1]) Послѣ непродолжительнаго конституціоннаго она и жестокаго пробужденія“—пишетъ Роза Люксембуръ, — броженіе приводитъ, наконецъ, въ декабрѣ къ третьей повсемѣстной массовой стачкѣ... Въ силу логическаго внутренняго развитія не останавливающагося хода событій, массовая стачка переходитъ на этотъ разъ въ открытое возстаніе, въ вооруженное баррикадное и уличное сраженіе въ Москвѣ. Декабрьскіе дни въ Москвѣ являются высшей точкой повышающейся линіи политической дѣятельности и массоваго стачечнаго движенія“. См. Р. Люксембургъ, „Всеобщая забастовка и нѣмецкая соціалъ-демократія. Кіевъ 1906 г., стран. 41—42.

вомъ смыслѣ. Она не оттого держалась политики laissez faire, что считала для себя неудобнымъ, по замѣчанію г. Струве, вмѣшательство въ „дѣло“ революціонеровъ. Она боялась этого вмѣшательства. Судьба всякой „золотой середины“ трепетать передъ послѣднимъ словомъ, передъ послѣдней точкой надъ i[1]).

Интеллигенція по самому ходу вещей тогда не могла знать, во что ей предстояло вмѣшаться, — въ „дѣло“ ли „революціонеровъ“, или въ „дѣло“ самой „революціи“. Наша интеллигенція оказалась просто еще неспособной къ соціальному творчеству[2]).

---

[1]) Этотъ трепетъ и боязнь „всеи правды“ защищала русская либеральная мысль и на страницахъ „Пол. Звѣзды“. Кому не чужда политическая отвѣтственность — писалъ г. Струве въ № 7— тотъ не станетъ вкладывать все, что онъ считаетъ правильнымъ, независимо отъ того, какой эффектъ въ умахъ слушателей или читателей будетъ имѣть такая проповѣдь и какіе реальные плоды она можетъ дать“. „Пол. Зв.“, № 7, стран. 444. Тахоцкій дѣлаетъ любопытныя сопоставленія этого обычнаго пріема „реальной политики“ нашихъ дней съ нѣсколько иначе звучащими заявленіями. г.-на же Струве на страницахъ той же „Полярной Звѣзды“. Тахоцкій о. с. стран. 18—19.

[2]) Не останавливаясь на причинахъ явленія, въ общемъ можно признать довольно вѣрной характеристику русской интеллигенціи, данную, В. В., на страницахъ его „Нашихъ направленій“. Именно В. В. отмѣчая „демократизмъ воззрѣній“ русской интеллигенціи, объясняетъ его „слабостью нашихъ привилегированныхъ классовъ, какъ самостоятельнаго культурнаго агента, ихъ безсиліемъ въ качествѣ руководителя общественнаго развитія, неспособностью выставить руководящее начало этого развитія,

Въ штурмѣ Бастиліи радикальная часть французскаго общества также не принимала никакого участія. И если бъ нападеніе горсти мятежной черни было отбито, оно стало бы въ глазахъ либеральной буржуазіи такимъ же безсмысленнымъ безумнымъ подвигомъ, безъ всякаго реальнаго содержанія, какъ и декабрьская недѣля; оно тоже получило бы ироническую кличку „дѣла“ „революціонеровъ“, а не „революціи“. Межъ тѣмъ, кто станетъ оспаривать въ настоящее время, что взятіе Бастиліи было самымъ крупнымъ шагомъ къ ликвидаціи стараго порядка и несло въ себѣ большій реальный смыслъ, чѣмъ самыя пламенныя, хоть и вполнѣ безопасныя рѣчи Мирабо? Не можетъ быть, конечно, никакихъ сомнѣній въ томъ, что если бы „безумное и безсмысленное возстаніе“ кончилось въ благопріятномъ для революціонеровъ смыслѣ, либералы не замедлили бы принять участіе въ дѣлежѣ доставшейся побѣдителю добычи. Да развѣ въ тайникахъ души они не учитывали успѣховъ „безумія“? Если такого рода политика — безнравственна, то въ глазахъ „реальныхъ политиковъ“ она цѣлесообразна, ибо никогда не ведетъ къ проигрышу. Если мы, наконецъ, попытаемся встать на ту глубокореалистическую точку зрѣнія, которой въ этомъ случаѣ хочется держаться либеральнымъ критикамъ, усмотрѣв-

---

если такового нельзя позаимствовать извнѣ, т.-е. отсутствіемъ въ нихъ соціальнаго творчества и безсиліемъ въ дѣлѣ проведенія выставленнаго начала въ жизнь“. См. *В. В.* „Наши направленія“. С.-Пб. 1893 г., стран. 67.

шимъ въ революціонномъ декабрьскомъ взрывѣ лишь традиціонный моментъ русскаго революціонаризма, „духъ подполья“, „излишнюю дерзость“, то и тогда едва ли мы можемъ признать ихъ правыми.

Неоспоримо, что въ извѣстныхъ конкретныхъ условіяхъ бунтарство становится единственно возможнымъ и дѣйствительнымъ выраженіемъ протеста, что въ извѣстной обстановкѣ бунтарство остается единственно движущей силой. Тамъ, гдѣ общество нѣмо и робко, гдѣ оно съ одинаковымъ благодушіемъ мирится съ возможностью и невозможностью говорить, чувствовать, думать, тамъ бунтарство становится не только правомъ, но и нравственнымъ долгомъ каждаго, возвышающаго свой голосъ въ защиту освобожденія; тамъ оно несетъ въ себѣ „достаточное содержаніе“, потому что задача его разбудить общество, внести новый свѣтъ, сказать новую правду. Конечно, такіе акты „революціонаризма“ всегда покоятся больше на „излишней дерзости“, чѣмъ на учетѣ дѣйствительныхъ реальныхъ силъ.

Революціонаризмъ есть прямое нападеніе на окружающую среду; онъ смѣло разсѣкаетъ передовые слои и проходитъ сквозь нихъ не останавливаясь, не уклоняясь, не разлагаясь. Его задача — цѣлостное измѣненіе даннаго принципа[1]).

---

[1]) „Революція — это соціальная критика и соціальное творчество, достигшія одновременно высшей напряженности въ порывѣ экстаза, охватывающаго общество... Это — гармонизація человѣческаго существованія... это — гармонія самихъ общихъ формъ

Противоположный ему, органическій реальный методъ исходитъ отъ данной среды, отъ мѣстныхъ условій; онъ тратитъ много усилій и времени на предварительную подготовку и переработку данной среды. На себѣ онъ испытываетъ ея обратное вліяніе, поддается ея гипнозу. Постепенно въ ней разлагаясь, обращается онъ въ оппортунизмъ, влечетъ за собою утрату вѣры въ возможность осуществленія своихъ идеаловъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, и вырождается постепенно въ квіетизмъ, мирящійся со всѣми уродствами настоящаго, безпощадный ко всякой, цѣльной безъ компромиссовъ, творческой работѣ[1]).

Если революціонаризмъ покоится нерѣдко на „дерзости“, на безграничной и ничѣмъ непреоборимой вѣрѣ въ силу своихъ идеаловъ и свою собственную силу, то органическій методъ, въ противоположность ему, не позволяетъ изъ-за деревьевъ видѣть лѣса. Точный учетъ

съ ихъ общимъ содержаніемъ“... См. А. Богдановъ. Революція и философія. С.-Пб. 1906 г., стран. 5—6.

[1]) Но самая широкая опасность для всѣхъ „мирныхъ, органическихъ“ партій наступаетъ тогда, когда открывается борьба, когда навстрѣчу ихъ воззваніямъ и приглашеніямъ господствующій режимъ идетъ не съ пальмовыми вѣтвями, а съ оружіемъ въ рукахъ. Онѣ считаютъ позоромъ отступить, слиться съ группами, поддерживающими существующій порядокъ, но со свойственными имъ нерѣшительностью и трусостью боятся онѣ себя скомпрометтировать и союзомъ съ крайними. Необходимо погрязаютъ онѣ въ тинѣ компромиссовъ и безпринципности, которой такъ любятъ крестить представителей крайнихъ направленій.

дѣйствительныхъ реальныхъ силъ въ моменты политическихъ кризисовъ, въ моменты, когда революціонаризмъ выступаетъ на сцену, становится невозможенъ; наконецъ, значительная часть реальныхъ силъ всегда находится въ потенціальномъ состояніи. Въ нихъ надо разбудить скрытую энергію, надо вызвать къ жизни дремлющія силы[1]).

„Всякое движеніе, — справедливо пишетъ одинъ защитникъ революціонаризма, — можетъ развить неожиданныя для насъ силы: кто въ началѣ великой революціи можетъ предсказать, что дастъ она, или даже предсказать ее? Невозможное въ началѣ революціи становится минимальнымъ въ процессѣ ея развитія и крайне скромнымъ въ ея апоѳеозѣ... Случайное играетъ въ высшей степени важную роль въ исторіи революціи, гдѣ нервы настолько натянуты, что всегда легко могутъ быть оборваны; роль и вліяніе отдѣльныхъ лицъ здѣсь также велики“[2]).

---

[1]) Гравъ, считающій необходимымъ условіемъ для благотворности соціальной революціи широкую подготовку массъ, тѣмъ не менѣе замѣчаетъ: „...Нѣкоторые думаютъ, что я предпочитаю отдалить революцію, чтобы всѣ успѣли за это время измѣнить свои понятія. Это — заблужденіе. Указывая на необходимость сдѣлать отдѣльныя личности болѣе сознательными, я всегда имѣлъ въ виду только дѣйствующее меньшинство, которое своимъ примѣромъ должно возбуждать болѣе инертную массу, схватывающую только урывки ходячихъ идей“. J. Grave. L'individu et la société. 3 изд. Парижъ, 1897 г., стран. 252—253.

[2]) См. Е. Таг-инъ. Принципы трудовой теоріи. С.-Пб. 1906 г., стран. 75—76, 78—79.

Чѣмъ съ большей силой и искренностью утверждается революціонный принципъ — тѣмъ шире распространяется онъ, тѣмъ больше привлекаетъ къ себѣ сочувствіе массъ, тѣмъ бо́льшую пріобрѣтаетъ онъ жизненность, тѣмъ болѣе превращается въ необходимость, которую такъ охотно монополизируетъ себѣ реальная политика[1]).

Никто не можетъ отрицать успѣховъ, достигаемыхъ органической работой, но она не можетъ быть возведена въ принципъ, въ абсолютное универсальное правило. Она не можетъ бросать упрековъ революціонаризму и въ томъ, что онъ занимается соціальной экспериментаціей. Революціонаризмъ есть стремленіе цѣлить больной общественный организмъ радикальными средствами, отвѣчающими наиболѣе сильнымъ и чистымъ чувствамъ человѣческой природы; органическій методъ, наоборотъ, довольствуется наудачу выбранными лекарствами, лекарствами сегодняшняго дня, которыя могутъ носить лишь временно успокоительный характеръ. По-

---

[1]) „Пробужденіе революціоннаго духа, — пишетъ Кропоткинъ,— происходило всегда такъ, что сперва единичныя личности, глубоко возмущенныя существующимъ, возставали противъ него въ одиночку. Многіе гибли безполезно, какъ говорятъ кабинетные теоретики въ туфляхъ, но равнодушіе общества было потрясено... Ждать, поэтому, чтобы соціальная революція пришла, какъ именинный подарокъ, безъ цѣлаго ряда личныхъ актовъ возмущенной совѣсти и безъ цѣлыхъ сотенъ предварительныхъ возстаній, которыми опредѣлится самый характеръ революціи, — по меньшей мѣрѣ, нелѣпо“... П. А. Кропоткинъ. Современная наука и анархизмъ. М. 1906 г., стран. 86—87.

этому гораздо болѣе, чѣмъ революціонаризмъ, органическая работа есть методъ соціальныхъ экспериментовъ[1]).

Наконецъ, жизненные успѣхи поклонниковъ органическаго метода порой достигаются цѣной такихъ тяжкихъ моральныхъ жертвъ, такого поруганія надъ нравственными чувствами, что голое преклоненіе предъ однимъ успѣхомъ, конечно, знаменовало бы собой только крайнюю степень нравственнаго паденія[2]).

„Величіе событій, — справедливо пишетъ одинъ изъ историковъ французскаго соціализма, — вовсе не измѣряется достигнутыми успѣхами. Возстанія 1831, 1848 и 1871 годовъ... закончились пораженіемъ пролетаріата. Это не помѣшало рабочему классу благоговѣйно впи-

---

[1]) „Что бы ни говорили наши противники, — вѣрно замѣчаетъ Гравъ, — но эмпириками являются именно они и ихъ опытъ, которымъ они пользуются уже цѣлое столѣтіе; всѣ ихъ частичныя преобразованія и починки показываютъ намъ также, что единственно полезныя реформы это тѣ, которыя разрушаютъ самыя учрежденія, лежащія въ основѣ общественнаго строя. Но, разрушеніе учрежденій это революція“... Ж. Гравъ. Умирающее общество и анархія. М. 1906 г., стран. 162.

[2]) Домела Ньювенгуисъ, протестуя противъ излишествъ утилитаризма въ одной изъ рѣчей Либкнехта, замѣчаетъ: „развѣ авантюристъ Наполеонъ III не избралъ своимъ девизомъ: „Успѣхъ оправдываетъ все“? Другими словами, преклоненіе предъ успѣхомъ есть верхъ безстыдства, какъ у Наполеона III, такъ и у Либкнехта“. F. Domela-Nieuwenhuis. „Le socialisme en danger“. 2 изд. Пар. 1897 г., стран. 28.

сать эти событія въ свои лѣтописи, и 1896 годъ онъ ставитъ на ряду съ этими славными датами, а бабувистовъ рядомъ съ іюньскими и майскими инсургентами, потому что тѣ и другіе, далеко опередившіе свое время и привлеченные блистающей на далекомъ горизонтѣ звѣздой, посмѣли первые провозгласить, что эра великихъ революціонныхъ потрясеній еще не закончена"[1]).

Мы сомнѣваемся, чтобы самые воинственные парламентскіе турниры, которые могъ дать Боденъ въ эпоху Второй имперіи, имѣли бы такое глубокое воспитательное значеніе для широкихъ народныхъ массъ и стяжали бы ему такую безсмертную славу, какъ смерть его на баррикадахъ!

Мы не думаемъ, чтобы наши декабристы, которыхъ поминала только что вся сознательная и мыслящая Россія, могли совершить болѣе славный и значительный подвигъ, чѣмъ „безумное возстаніе" 1825 года! Но славное для мертвецовъ становится преступленіемъ для современниковъ! Ихъ обвиняютъ въ „безумной прямолинейности тактики"; въ ихъ „тактикѣ" видятъ лишь „умственные предразсудки и эмоціональные рефлексы, накопившіеся за героическую эпоху..."[2]).

Laudatores temporis acti!

Гибель и жертвы, пораженіе въ настоящемъ — не есть еще „безуміе", ибо это „безуміе", текущее изъ чистаго

---

[1]) П. Л у и. Исторія соціализма во Франціи. М. 1906 г., стран. 64.

[2]) П р. Г р е в с ъ. „Идейная борьба и созидательная работа въ революціи". „Полярная Звѣзда" 1906 г., № 11, стран. 793—794.

источника, подымаетъ массы, родитъ одушевленныхъ зодчихъ и героевъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ стояли лишь хладнокровные безучастные свидѣтели... Пораженіе страшно лишь то, которое убиваетъ вѣру въ свои идеалы и силы! То, которое родитъ новыхъ бойцовъ, которое заставляетъ ихъ острѣе оттачивать свое оружіе — желанно!... Оно всегда вѣщаетъ побѣду!

Рано судить еще русскую революцію, жестоко порицать ея еще не остывшія жертвы!

Пройдутъ года, и время освѣтитъ смыслъ совершившихся безумствъ!

Я — время. Я вселяю ужасъ. Я —
Добро и Зло. Я — счастіе и горе...
. . . . . .
. . . . . Я могу
Все ниспровергнуть! . . . . . .

Книгоиздательство „ЛОГОСЪ“.

М. Бакунинъ — Богъ и Государство, перев. А. Б., ц. 25 к.

Э. Малатеста — Крестьянскія рѣчи, съ предисл. А. Борового, ц. 20 к.

Жанъ Гравъ — Гнетъ машины; съ предисл. А. Борового, ц. 8 к.

Дж. Кеннанъ — Сибирь и ссылка, полный переводъ въ одномъ томѣ, ц. 1 р. 25 к.

Л. Блюмъ — Конгрессы французскихъ рабочихъ и соціалистовъ, ц. 40 к.

Дж. Г. Маккэй — Анархисты; съ предисл. А. Борового, ц. 75 к.

А. Гарнакъ — Сущность христіанства, ц. 70 к.

Э. Реклю — Эволюція, революція и анархистическій идеалъ, съ пред. А. Борового, ц. 35 к.

Д-ръ П. Эльцбахеръ — Анархизмъ, переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Вокачъ и И. А. Ильина, ц. 85 к.

Л. Мишель — Коммуна, переводъ съ французскаго, ц. 95 к.

Цѣна 35 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

„ТРУДЪ“

Москва, Тверская улица, 38. ‖ **С.-Петербургъ**, Невскій, 60.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать*
31	7	св.	изъ слова темы	изъ словъ системы
32	10	„	Стропинымъ	Строниным̀ъ
36	2	сн.	многочисленной	многосложной
42	9	св.	Диккертомъ	Риккертомъ
64	1	„	Куатскій	Каутскій
86	10	„	совершившихся	совершавшихся

Книгоиздательство „ЛОГОСЪ“.

М. Бакунинъ — Богъ и Государство, перев. А. Б., ц. 25 к.
Э. Малатеста — Крестьянскія рѣчи, съ предисл. А. Борового, ц. 20 к.
Жанъ Гравъ — Гнетъ машины, съ предисл. А. Борового, ц. 8 к.
Дж. Кеннанъ — Сибирь и ссылка, полный переводъ въ одномъ томѣ, ц. 1 р. 25 к.
Л. Блюмъ — Конгрессы французскихъ рабочихъ и соціалистовъ, ц. 40 к.
Дж. Г. Маккэй — Анархисты, съ предисл. А. Борового, ц. 75 к.
А. Гарнакъ — Сущность христіанства, ц. 70 к.
Э. Реклю — Эволюція, революція и анархистическій идеалъ, съ пред. А. Борового, ц. 35 к.
Д-ръ П. Эльцбахеръ — Анархизмъ, переводъ съ нѣмецкаго П. Н. Вокачъ и И. А. Ильина, ц. 85 к.
Л. Мишель — Коммуна, переводъ съ французскаго, ц. 90 к.

Цѣна 35 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

„ТРУДЪ“

Москва, Тверская улица, 38. ‖ **С.-Петербургъ,** Невскій, 60.